

A man and a woman in dark blue military uniforms with silver epaulettes and buttons. The woman is in the foreground, looking at the camera with her hand near her chin. The man is behind her, looking over her shoulder. They are in a room with wood-paneled walls, a bookshelf, and a blue curtain.

ЛЕНА ОБУХОВА

АКАДЕМИИ ЗА ЗАНАВЕСЬЮ

АКАДЕМИЯ

ЛЕГИОНА

Елена Александровна Обухова
Академия Легиона
Серия «Академии за
Занавесью», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34347129
SelfPub;

Аннотация

Девушке трудно поступить в Академию Легиона, но Хильде это удалось, и теперь она стремится к новой вершине – попасть в боевой отряд. Однако, когда подруга начинает видеть пугающие сны, сокурсник попадает под проклятие, а новый ректор затевает тайные игры с темными магами, она примеряет на себя другую роль – роль следователя. Она должна выяснить, откуда исходит угроза и предотвратить трагедию в Академии, а куратор курса всячески старается ей помочь. Что им движет: недозволенная симпатия к курсантке или желание что-то скрыть? Сможет ли Хильда распознать врага, если тот притаился в ближайшем окружении?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	29
Глава 3	38
Глава 4	50
Глава 5	63
Глава 6	75
Глава 7	86
Глава 8	95
Глава 9	121
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Лена Обухова

Академия Легиона

Пролог

Таня Норман никогда раньше не бывала в Академии Легиона, но по прямым и скучным до зевоты скупо освещенным коридорам шла быстро и уверенно, как будто точно знала дорогу. Светло-серые стены без картин и других украшений ускользали от внимания, прятались за мутной пеленой, словно ее глаза наполняли слезы, но Таня их не чувствовала.

Платье шуршало пышной нижней юбкой, и Таня никак не могла вспомнить, почему надела столь странный наряд, подходивший больше эпохе Роны Риддик, древней королевы магического мира, с которой она оказалась связана столь необычным образом. Современные вечерние и даже бальные платья не предполагали ничего пышного и неудобного, это Таня хорошо знала. Исключением в свое время стало только свадебное платье по ее собственной прихоти, но с того дня она поклялась себе больше никогда не надевать ничего подобного. Так почему же надела сегодня? Она не помнила.

Новый коридор наконец привел ее к цели: дверям зала торжественных мероприятий. Они гостеприимно распахнулись перед ней, пропуская внутрь. Первым в глаза бросил-

ся огромный портрет канцлера, висевший на противоположной от входа стене, над небольшой сценой. Канцлер взирал с портрета строго и торжественно и должен был внушать уважение и трепет, но Таня почувствовала только отвращение.

Портрет притягивал взгляд и гипнотизировал. Она усиленным воли отвернулась от него и огляделась. Ужас мгновенно сковал все тело: дыхание остановилось, а сердце пропустило удар – и тут же забилось быстро-быстро из-за накатившей паники.

Вокруг лежали тела. Десятки, если не сотни тел, облаченных в синюю форму Легиона. Неестественно вывернутые головы и конечности, мертвые глаза, глядящие в потолок, раскрытые рты, полные мерзкой черной жижи, пятна крови повсюду.

Таня в ужасе переводила взгляд с одного незнакомого лица на другое, ища среди них лицо подруги. Ее взгляд зацепился за молодого мужчину. Память тут же нарисовала его еще живого, тяжело опирающегося на трость.

Грудь изнутри наполнилась холодом, тот опутал нервно бьющееся сердце тонкими крепкими нитями и потек колючими льдинкам по венам. Таня посмотрела в сторону и наконец нашла девушку, которую искала. Лица почти не было видно: светлые волосы подруги, слипшиеся от крови, скрывали его, но не узнать Хильду Таня не могла.

В мертвой тишине зала послышались приглушенные шаги, и Таня стремительно обернулась, ожидая увидеть того,

кто все это устроил, но встретила взглядом с собственным мужем. Ян Норман медленно брел между телами, держа в руке окровавленный меч. Серая преподавательская форма, в которой он ходил чаще всего, в нескольких местах была перепачкана кровью, но он сам не выглядел раненым.

– Что здесь произошло?

Собственный голос показался ей оглушительным и отразился эхом от стен. Ян улыбнулся, подойдя совсем близко.

– Они оказались не готовы, – спокойно пояснил он.

– Не готовы к чему?

– А ты оглянись по сторонам. Видишь их?

Таня завертела головой, но взгляд поначалу натывался только на мертвых. Лишь через какое-то время он зацепился за тень, прятанную за колонной. Черная фигура, похожая на человеческую, с глазами, горящими дьявольским огнем, почти полностью сливалась с темнотой, но теперь Таня смогла ее рассмотреть.

– Что это? – Таня в ужасе отшатнулась, инстинктивно шагнув ближе к мужу, словно хотела спрятаться под его защитой. Как всегда.

– Возмездие, – тихо шепнул Ян. – Легион падет, а вслед за ним падет и Республика. Древний король вернется и на обломках старого мира построит новый, лучший мир. Когда порядок нарушен, только первоизданный хаос способен изменить все к лучшему.

Таня удивленно посмотрела на него. Она никогда не слы-

шала, чтобы муж говорил таким тоном. Ей хотелось спросить, что все это значит, но она не успела.

Он поднял меч и, почти не замахиываясь, ударил ее. Острая боль обожгла живот, растеклась жидким пламенем по всему телу. Ноги моментально ослабли, и Таня вцепилась в руку Яна, глядя на него с ужасом. Почему он это сделал? Почему убил ее? За что?

Серые глаза смотрели с холодной отчужденностью, в них не было ничего знакомого и родного, ничего из того, что она привыкла видеть.

– Око за око, – медленно, нарочно растягивая слова, произнес Ян, не отрывая взгляда от ее лица. – Любовь за любовь.

Таня по-прежнему не понимала, что происходит и о чем он говорит, но через пару мгновений это стало уже неважно.

Боль внезапно унялась, но Таня совсем перестала чувствовать собственное тело. Оно рухнуло на пол, перестав подчиняться, но Таня не упала вместе с ним. Она наоборот начала подниматься вверх. Все выше и выше, к самому потолку. Теперь она видела все иначе, она видела картину целиком. В том числе то, чего не замечала, находясь на земле: на полу зала был выжжен хорошо знакомый ей символ, заключенный в круг.

Прежде, чем Таня успела задуматься о том, откуда этот символ взялся в Академии Легиона, она проснулась.

В спальне было душно, жарко и темно. Одеяло саваном спеленало ее, не давая пошевелиться, легкие свело судоро-

гой. Тане казалось, что она не может ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Ценой невероятных усилий ей удалось выпутаться из плена, сесть и начать дышать. Вместе с первым выдохом из груди вырвался то ли стон, то ли крик, из глаз брызнули слезы. Ужас, испытанный во сне, преследовал ее и наяву. То, что в спальне посреди ночи она оказалась одна, только усугубляло ситуацию.

Она плотно зажмурила глаза, надавила на них ладонями, пытаясь прогнать последнюю картину, которая так и стояла в воображении: усыпанный телами пол и дьявольский символ, каким-то образом выжженный на мраморе.

Хлопнула дверь, и в спальне послышались шаги.

– Таня, что случилось?

Обеспокоенный голос мужа заставил вздрогнуть и инстинктивно попятиться назад. Ян сел рядом, сжал ее плечи, слегка встряхнул и снова позвал по имени, заставив открыть глаза.

Теперь в комнате горел свет. К счастью, не слишком ярко. Ян сидел на кровати рядом с ней, облаченный в домашний халат. Он выглядел встревоженным и огорченным, но Таня не могла не задаться вопросом: почему посреди ночи он где-то ходит, а не спит рядом с ней? Где он был? Что делал?

В глубине души она знала, что причин может быть сколько угодно, но пережитое во сне все еще затуманивало разум и провоцировало паранойю.

– Таня, посмотри на меня! – Ян скользнул руками по ее плечам, попытался поймать взгляд.

Она заставила себя посмотреть ему в глаза. Сейчас они излучали тепло, неподдельную заботу и тревогу за нее. Это немного отрезвило.

– Мне опять приснился этот сон, – хрипло пробормотала Таня. Откашлявшись, она уточнила: – Про несчастье в Академии Легиона. Ян, это не обычный кошмар. С чего бы меня преследовал такой? Это наверняка предвиденье. Мы должны что-то сделать. Как-то предупредить...

Он обнял ее, крепко прижав к груди, и погладил по спутавшимся во время сна волосам. Его объятие окончательно уняло дрожь, на смену могильному холоду внутри пришло тепло, прогнавшее из памяти сцены кошмара. Ян на мгновение прижался губами к ее виску, а потом мягко прошептал:

– Милая, если это предвиденье, то ты ничего не сможешь сделать. Никто не сможет. Ясновидящим является лишь то, чего уже не изменить.

Таня снова вспомнила ту сцену из сна, в которой Ян протыкает ее мечом. Кошмар повторялся уже не первый раз, как и их разговор после него, но она так и не сказала мужу, чем каждый раз все заканчивается. У нее язык не поворачивался, как будто она боялась, что рассказав, она сделает кошмар реальностью.

Но такого не может произойти! Никогда. Это просто невозможно и бессмысленно.

Тогда что значит ее сон?

– Тогда что все это значит? – спросила она вслух.

– Я не знаю. Но я постараюсь разобраться. Хорошо? Только успокойся, пожалуйста.

Таня чуть отстранилась от него и кивнула. Помолчав немного, она все-таки спросила:

– Почему ты опять не спишь? Где ты был?

Ян пожал плечами и улыбнулся.

– Острый приступ бессонницы. Я ушел почитать в кабинет, чтобы не мешать тебе.

– Больше так не делай, – попросила она, слабо улыбнувшись в ответ. – Видишь, чем это заканчивается? Уже не первый раз.

Ян наклонился к ее лицу, чтобы оставить несколько легких поцелуев на щеках, веках, скулах. С каждым прикосновением губ напряжение покидало ее тело, страх отступал. К тому моменту, когда муж завершил свою «терапию» долгим нежным поцелуем в губы, Таня окончательно успокоилась.

– Больше не буду, – шепотом пообещал он, оторвавшись от нее.

Сняв халат и бросив его на кресло, Ян погасил световой шар, залез под одеяло и прижал Таню к себе. В его объятиях, уверенная в том, что он со всем разберется и найдет решение, она быстро уснула.

И только сам Ян еще долго лежал с открытыми глазами, глядя в темноту и чувствуя болезненную тяжесть на сердце.

Глава 1

Кто-то случайно попадает в магический мир, а Хильда Сатин всю жизнь мечтала и готовилась в него вернуться. Она с детства знала, что у нее необычная семья. Как знала то, что после школы сможет вернуться в мир за Занавесью, куда много веков назад ушло большинство магов. Ее родители были изгнаны из него еще до ее рождения, но со временем тоже получили бы право на возвращение.

Им повезло: политическая ситуация в мире магов снова изменилась, родителей реабилитировали, они всей семьей перебрались обратно за Занавесь и смогли вернуть себе прежнее имя, а она сама с первого раза поступила в Академию Легиона, о которой мечтала с детства. До изгнания ее отец служил в Легионе, и она была полна решимости пойти по его стопам.

Легион сочетал в себе функции и судебной системы, и органов защиты правопорядка, поэтому Академия готовила специалистов по обоим направлениям. Выпускники судебного факультета становились судьями, защитниками, обвинителями или официальными представителями. Выпускники факультета охраны правопорядка становились боевиками, следователями, стражами или администраторами.

Стать стражем или администратором было несложно, для первого требовалось полностью соответствовать требовани-

ям по физической подготовке и владеть боевой магией, а для второго – идеально знать бюрократические процедуры.

Попасть в следователи или в боевой отряд было значительно сложнее. Туда отбирали лучших из лучших. Боевики считались настоящей элитой Легиона, и, конечно, Хильда метила именно туда.

Так она и оказалась с учебной группой боевого отряда посреди Пустоши.

Хильда и не знала, что где-то в мире за Занавесью может быть так тихо. В сухом лесу не кричали птицы, в воздухе не звенели крыльями комары, а в траве не стрекотали кузнечики. Потому что трава здесь тоже не росла. Даже воздух во-круг замер, ни единого порыва ветра за все время, что они находились тут. Потому и деревья – точнее то, что от них осталось, – не шуршали потемневшими ветками.

– У меня от этой тишины сейчас уши лопнут, – пожаловалась Валери, соседка Хильды по комнате.

Она сказала это едва различимым шепотом, но четверо их спутников тут же оглянулись на нее. Шедший первым Виктор Ланг презрительно скривился, прошептав что-то вроде «Девчонки – нытики», за что удостоился недовольного взгляда от Агнессы, которую куратор назначил старшей группы.

– Скажи спасибо за эту тишину, – внезапно подал голос Карел, приятель Виктора, разделявший его позицию по поводу «девчонок-нытиков». – Потому что все, что в Пустоши

издает звуки, пытается тебя убить. Чем дальше пройдем в тишине, тем больше у нас шансов выполнить задание.

Валери заметно покраснела и предпочла больше ничего не говорить, а Хильда молча сжала пальцы, лежавшие на эфесе сабли. Их отправили в Пустошь в полном обмундировании, вместе с холодным оружием, которое, насколько Хильда знала, было уместно разве что на территории низших. Только с низшими легионеры не могли сражаться магией, но Пустошь находилась на континенте, принадлежавшем магам, всех низших с него давно выселили.

Впрочем, в данном случае она не стала оспаривать решение куратора, предположив, что задание может таить в себе немало неизвестных подводных камней. Именно поэтому они все были так напряжены: никто не имел ни малейшего представления о том, что их ждет.

– Где этот проклятый замок? – через несколько минут не выдержал тишины уже сам Карел.

Как ни странно, в ответ на восклицание приятеля Виктор не процедил ничего про парней-нытиков.

Их группа направлялась в заброшенный замок, принадлежавший в прошлом темному магу. По сведениям разведки, там когда-то спрятали опасный артефакт. Задание состояло в том, чтобы проникнуть в замок, найти артефакт и доставить его в Легион. На первый взгляд оно казалось простым, но из-за нестабильного магического фона на территорию Пустоши нельзя было открыть портал, а потому переместиться при-

шлось на границу и дальше идти пешком.

Пустошь таила в себе немало опасностей. Когда-то здесь произошла одна из крупнейших магических битв и как следствие – небывалый выброс темной энергии, убившей все живое. Каждый понимал, что в этом месте обязательно ждет парочка неприятных сюрпризов.

Хильду смущало другое: они шли уже довольно долго, но ни одного сюрприза – приятного или нет – так и не встретили. Замка пока тоже не было видно: вокруг, на сколько хватало глаз, простиралась черная потрескавшаяся земля, из которой торчали такие же черные, сухие деревья. Спертый воздух, каким он бывает в давно непроветриваемом помещении, казался густым и тягучим: так тяжело им дышалось.

Форма Легиона, которая обычно Хильде очень нравилась, сейчас вызывала дискомфорт и раздражение. Плотная ткань заставляла все тело потеть и чесаться, а стоячий воротничок, обхвативший горло плотным кольцом, еще больше затруднял дыхание.

Агнесса остановилась, очертила в воздухе параллельно земле круг и применила заклятие ориентирования.

В круге возникли полупрозрачные фигурки, в которых можно было узнать и замок, и редкий мертвый лес, и даже их самих. Агнесса какое-то время внимательно всматривалась в призрачные образы, а потом взмахом руки развеяла их.

– Мы идем правильно, но идти нам еще довольно долго, – констатировала она. – Из леса скоро выйдем на открытое

пространство, тогда увидим замок. Но после этого еще пару километров по пустырю шагать, потом снова по лесу и потом еще в гору тоже довольно прилично лезть.

– А мы успеем? – с сомнением нахмурился Виктор.

– Должны успеть, иначе нас бы не отправили сюда. – Агнесса пожала плечами.

– А, может быть, мы должны что-то сделать, чтобы оказаться там быстрее? – осторожно предположил Лука, самый тихий и незаметный в группе. – Может быть, это часть испытания?

– Исключено, – отрезала Агнесса. – В задании ничего такого не упоминалось. Нам бы сказали.

Лука не стал настаивать на своем предположении, остальные тоже предпочли промолчать, продолжая нелегкий путь. Хильда потянула двумя пальцами за воротник, отчаянно надеясь, что это поможет ей сделать более глубокий вдох, но тут же разочарованно вытерла пот со лба.

Когда они наконец вышли на пустырь, впереди, на возвышении, действительно показался полуразрушенный замок. Он темнел на фоне серого от неизменных туч неба и выглядел невозможно далеким.

– Да ладно, это нереально, – простонала Валери, уже не боясь, что ее снова назовут нытиком. – Мы туда еще целый день будем идти. У нас нет столько времени.

Остальные тоже растерянно переглянулись. Все уже выбились из сил, никто не рассчитывал на столь длительное пу-

тешество. Что-то здесь было не так.

Ощущение неправильности происходящего усиливалось с каждым шагом по пустырю, но охранные амулеты молчали, Агнесса не давала команды остановиться, поэтому они продолжали идти за своим временным командиром.

Хильда притормозила лишь тогда, когда ей показалось, что земля под ногами... шевельнулась. Посмотрев вниз, она убедилась, что по-прежнему идет по неестественно черной, потрескавшейся тверди, которая шевелиться никак не могла.

Конечно, в местном воздухе было так мало кислорода, что у любого могли начаться галлюцинации или просто закружиться голова. Это объяснило бы странное ощущение, но вслед за ней с интервалом в пару секунд остановились и остальные, удивленно глядя себе под ноги. Они тоже почувствовали.

Никто ничего не успел сказать. Земля снова ожила, и теперь ее движение стало видно. Изрезанная трещинами поверхность пошла рябью, как потревоженная камнем зеркальная гладь озера. Ботинки на мгновение погрузились в черную жижу, но секунду спустя все снова успокоилось.

– Что за черт? – ошарашенно пробормотала Хильда и услышала резкий окрик Агнессы:

– Занять боевую позицию!

Руки сами собой взлетели вверх, Хильда раскрыла ладони, направляя магический поток сначала левой рукой и формируя поглощающий щит. Это была стандартная процедура

ведения боя: занять оборонительную позицию, пока не увидишь противника.

Противник показался сразу. Темные фигуры, похожие на людей, слепленных из грязи или глины, выросли из земли. Безмолвные и безликие, они мгновенно двинулись в наступление.

С первым десятком группа расправилась без труда. Как только стало понятно, что «земляные человечки» не владеют магией, они убрали щиты и в упор расстреляли незнакомых существ ударными импульсами. Комки грязи разлетались в стороны с первого удара, поэтому наступление удалось остановить в считанные секунды.

Но торжество по этому поводу длилось недолго: на смену первому десятку из земли моментально вырос второй, а за ним – третий. Их снова разбивали импульсами, но ошметки падали на землю и через пару секунд соединялись вновь.

– Сзади! – воскликнула Валери.

Хильда с Лукой синхронно развернулись на сто восемьдесят градусов и вместе с Валери принялись отбиваться от чудовищ, появившихся с другой стороны.

Вскоре им пришлось образовать кольцо, потому что их самих брали в кольцо. Слепленных из земли фигур становилось все больше и больше: на каждую разбитую тут же вырастали еще две. Против них применялись все более мощные боевые заклятия – огонь, лед, электрические разряды, – но ничего не помогало. Заклятия только быстрее расходова-

ли магический поток, а на противников действовали так же, как ударные импульсы.

– Нам их не одолеть, – бросила Хильда через плечо, обращаясь к Агнессе. – Они задавят нас количеством. Нужна другая тактика!

– Если у кого-то есть предложения, я готова их выслушать, – чуть задышавшись, отозвалась Агнесса. – Потому что у меня ноль идей.

– Нужно вырваться из кольца, – предложил Виктор.

– Как ты собрался это сделать? – тут же огрызнулся Карел. – Они ринутся следом, да и просто не выпустят нас!

– Кто-то должен взять на себя сдерживание, пока остальные будут выбираться, – не сдавался Виктор. – Если начнем сейчас, потеряем только половину группы.

– Я правильно тебя поняла, Ланг? – почти прорычала Агнесса. – Ты предлагаешь мне бросить тут троих? Надеюсь, ты готов остаться и принести себя в жертву?

– Должны остаться Валери, Хильда и Лука, – отрезал Виктор.

– С какой это радости? – возмутилась Хильда.

– Потому что вы все равно самые слабые! А для выполнения задачи из этой ловушки должны выбраться самые сильные. Неизвестно, что будет дальше.

Хильда с такой силой швырнула ударный импульс в очередную земляную болванку, что та разлетелась в стороны куда более мелкими, чем обычно, частями.

– Хорошо, что не тебя Мор назначил командиром, – процедила она сквозь зубы.

Пока они спорили, кольцо противников стало более плотным, а первые ряды заметно приблизились.

– Решайся, Агнесса! – возбужденно проорал Виктор. – Мы ждем приказа.

Неизвестно, отдала бы Агнесса приказ разделиться или нет. Других вариантов все равно не было, это поняли и признали про себя все, но слишком поздно. Они упустили время: меньше чем через минуту бесчисленная армия неизвестной нечисти захлестнула их.

Хильда почувствовала прикосновение холодной сырой земли к коже, грязь залепила ей глаза, ноздри и рот. Она почувствовала себя так, словно ее хоронили заживо.

Но прежде, чем она действительно задохнулась, все исчезло: и монстры, и Пустошь, и спертый воздух, и даже форма Легиона. Они вшестером оказались в своей обычной курсантской форме посреди отключенного зала иллюзий, дверь которого как раз распахнулась.

На пороге появился высокий крепкий шатен в преподавательской форме – весьма недовольный куратор Мор.

– Поздравляю, госпожа Янг, – обратился он к Агнессе, но карие глаза при этом пронзили колючим взглядом Хильду. – Вы угробили группу и не выполнили задание. За эту тренировку вам всем незначет. Жду от каждого анализ ситуации в письменном виде.

Курсанты напряженно переглянулись. Вообще-то своего куратора они любили. Он появился у них только во втором триместре первого года обучения, сменив ушедшего на пенсию прежнего куратора, но оказался куда приятнее. Все знали, что до этого Дилан Мор служил в Легионе. Ходили слухи, что его уволили из-за какого-то личного конфликта со старшим легионером столицы. Поскольку того в свою очередь сняли меньше чем через месяц, все думали, что Мор вернется в ряды следователей. Но он почему-то остался в Академии и продолжил заниматься кураторством и вести занятия по боевой магии.

Мор относился к курсантам с большой симпатией и пониманием, интересно рассказывал и давал много практических советов, поскольку успел послужить и в боевом отряде, и следователем. Он был еще довольно молод, ему совсем недавно перевалило за тридцать. Возможно, именно поэтому в конфликтах своих курсантов с другими преподавателями он частенько принимал сторону первых.

Однако это не отменяло того, что сам он порой бывал с курсантами чрезмерно строг и резок. Особенно после провальных симуляций.

– Что тут анализировать? – зло процедил Виктор. Карел, стоявший рядом с ним, согласно закивал. – Нечего бабу во главе группы ставить. Решение у нас было, просто кое у кого кишка оказалась тонка его принять.

– Заткнись, Ланг, – огрызнулась Хильда. Общий провал

расстраивал ее ничуть не меньше, но она была далека от того, чтобы валить всю вину на Агнессу. И тем более ее разозлило замечание насчет «баб». – Не факт, что у нас получилось бы, прими Агнесса твоё решение.

– Не факт, – неожиданно согласился Мор. – Но отсутствие какого-либо решения лишило вас шансов. Поэтому я и жду от каждого подробного анализа и аргументов в пользу того или иного решения. Хочу напомнить, что аргумент начинается со слов: «В соответствии со стандартной процедурой Легиона...» либо «В аналогичной ситуации реальная группа...», а не со слов: «Не факт, что у нас получилось бы», – и он снова выразительно посмотрел на Хильду.

Она была единственной курсанткой Академии, кто знал Дилана Мора еще по Орте – магическому университету, в котором она училась прежде. После травмы, полученной в рядах боевого отряда, Мор преподавал там примерно полгода. Его тогда прислали на замену, поскольку Орта внезапно лишились преподавателя боевой магии.

Вероятно, поэтому отношения Хильды с куратором складывались... странно, как она сама считала. Поначалу они встретились как старые друзья. Когда-то именно Мор вселил в нее надежду на то, что детская мечта стать легионером однажды сбудется, поэтому Хильда была рада снова встретиться с ним. И еще сильнее радовалась тому, что он снова будет ее наставником по боевой магии.

Ему, как могло показаться со стороны, их встреча тоже

была приятна. Мор узнал ее еще на первом утреннем построении в начале второго триместра и даже вспомнил прежнюю фамилию Хильды, под которой ее семья жила в мире людей. Весь первый год он охотно помогал ей во всем и вел себя очень доброжелательно. Настолько, что порой до Хильды долетали неприятные слухи, которые распускали сокурсники. Многим не хотелось верить в то, что хлипкая девчонка может пользоваться расположением куратора исключительно за учебные заслуги.

Потом что-то внезапно изменилось, но она так и не поняла, по какой причине. В один момент Мор стал во сто крат суровее. Больше не улыбался ей без повода, зато довольно часто выражал недовольство и отчитывал. Вот как сейчас.

Хильда выдержала его взгляд, хотя это было непросто. Она не чувствовала за собой никакой вины и считала, что провал симуляции связан с невыполнимыми условиями.

– Баллы за это задание вы не получите, – строго продолжил Мор, переводя взгляд на остальных курсантов, – но тот, кто сдаст наиболее полный и правильный письменный разбор, будет допущен к дополнительному испытанию и получит возможность заработать дополнительные баллы. На сегодня можете быть свободны.

Он развернулся и направился к выходу, как всегда слегка прихрамывая, а курсанты остались стоять посреди зала иллюзий, который сейчас был просто комнатой с белыми стенами и без окон. Виктор и Карел досадливо поморщились.

Хильда понимала их чувства: тем, кто хотел со временем попасть в боевой отряд, баллы за такие упражнения были жизненно необходимы.

– Я всегда говорил – не место девчонкам в боевиках, – Виктор привычно сорвал злость на женской половине команды. – Уж тем более нельзя вас ставить командирами. Вы только ныть способны и сомневаться. А боевик не имеет ни права, ни времени сомневаться. Шли бы вы лучше в администраторы.

Последняя фраза была его любимой присказкой, от которой у Хильды всегда вскипала кровь. Этот раз не стал исключением, но если Виктор Ланг предпочитал срывать злость на одногодках, то Хильду постоянно тянуло поспорить с командиром. То есть с куратором.

– Нет, Хил, не надо.

Пальцы Валери вцепились в предплечье подруги, когда та уже шагнула вслед за исчезнувшим в дверном проеме куратором. Она не любила спорить с преподавателями сама и еще больше не любила, когда Хильда сцеплялась с куратором. Однако Валери как раз и метила в администраторы, а туда брали почти всех, кто получил хорошие оценки на экзаменах. Для Хильды же каждый потерянный балл за боевую симуляцию – это риск.

– Надо, – возразила она, высвобождаясь из хватки и ускоряя шаг, поскольку Мор уже успел уйти далеко.

– Господин куратор, постойте! – окликнула она, оказав-

шись в пока безлюдном коридоре. Остальные группы продолжали выполнять задания.

Мор послушно замер на месте, но было видно, как он тяжело вздохнул, понимая, что его ждет. Хильда догнала его, но обходить и заглядывать в лицо не стала, так и обратилась к спине:

– Это нечестно.

– Почему? – Он все-таки обернулся сам и спокойно посмотрел на курсантку.

– Каждой группе, в которой вы назначаете командиром девушку, вы даете невыполнимое задание, чтобы мы теряли баллы.

– Вы обвиняете меня в половой дискриминации, курсантка Сатин?

– Да, пожалуй, именно так это и выглядит со стороны. Особенно на фоне того, что на практические задания с реальным боевым отрядом вы еще ни одну девушку не пустили, а ведь за них начисляются двойные баллы.

– В вашей группе было поровну курсантов обоих полов, – напомнил Мор. – И вы могли выполнить задание. Что касается реальной практики: как я могу пустить вас на нее, если вы не справляетесь даже с симуляциями?

– С этой симуляцией невозможно было справиться! Она не имела решения. Противник был непобедим...

– Госпожа Янг могла просто вовремя отдать приказ, который ей подсказали. И вы все получили бы свои баллы.

На мгновение Хильда потеряла дар речи. Она открыла рот, потом закрыла, шумно выдохнула, покачав головой. Больше всего ее поражало и злило непробиваемое спокойствие куратора.

– Так вы поставили нас в заранее безвыходную и абсолютно нереальную ситуацию, чтобы научить бросать товарищей, обрекая их на смерть? Но это в симуляции каждый потом отряхнулся и пошел писать реферат, а в реальной жизни это конец. Разве можно так? Разве вы не должны учить нас выходить из боя без потерь?

В глазах Мора появилось странное выражение, которому Хильда никак не могла найти определения. Словно сквозь колющий холод пробивалось сочувствие. Пробивалось, но не могло пробиться.

– А как вы себе представляли службу в боевом отряде, Сатин? – его голос прозвучал мягче, но все еще оставался строгим. – Вы думаете, почести и высокое содержание достаются боевикам за красивые глаза? Нет, их служба требует полного самоотречения и готовности умереть в любой момент. Умереть самому и оставить умирать лучшего друга, если того требует выполнение задания. Так это работает. Если вы не согласны, вам стоит подумать о том, действительно ли вы хотите служить в боевом отряде.

Сердце билось у Хильды уже где-то в горле, мешая говорить. Нечто подобное она когда-то слышала и от отца, из-за которого выбрала путь legionera, но в глубине души остава-

лась уверена, что из любой, даже самой безвыходной ситуации можно найти выход. Или, по крайней мере, его нужно искать до последнего.

– Это не отменяет того, что будь ситуация приближена к реальности, мы могли найти другой выход. Таких монстров даже не существует! Вы не имеете права придумывать нам непобедимых противников...

– Они очень даже существуют, – перебил Мор. – В Пустоши. Просто в настоящей Пустоши вы никогда не были, а потому не видели их. Думаю, вы еще будете проходить их на теории темной магии. Называются – големы, можете почитать про них на досуге. Ситуация, в которую я вас поставил в задании, не просто реальна, а действительно имела место быть в моей практике.

Его было не переспорить, Хильда знала это. Он даже не повысил голос, спокойный как удав, уверенный в своей правоте.

– Вот как? И что же вы сделали? Поступили так, как предлагал Виктор?

Он едва заметно пожал плечами.

– Конечно. Это ведь не Ланг придумал, такова стандартная процедура Легиона. Двое легионеров остались прикрывать, остальные выбрались из оцепления.

Его голос прозвучал так спокойно и отстраненно, что Хильда растерялась. «Двое легионеров» в его устах прозвучало так, словно речь шла о паре брошенных велосипедов,

а не людей.

Двери некоторых залов иллюзий уже начали открываться, из них выходили курсанты второго года обучения: кто-то радостный, кто-то недовольный результатом. Мор продолжал невозмутимо смотреть на Хильду, не торопясь уходить. Всем своим видом он демонстрировал готовность продолжить разговор и разбить все оставшиеся у нее аргументы. Ей до боли в груди захотелось хоть немного пробить эту невозмутимость.

– И как? Лица тех двоих вам во сне не являются?

Он ответил не сразу. Невозмутимость лишь слегка дрогнула, его лицо немного смягчилось, в уголках рта появилась едва заметная улыбка.

– Хильда, я был одним из тех двоих. Это произошло на моем последнем задании в рядах боевого отряда. После него я и оказался в Орте.

Хильда смогла лишь открыть рот, но ни вопроса, ни комментария озвучить не успела: световые шары внезапно сменили цвет с ярко-желтого на раздражающе красный, окрасив в него все вокруг, а потом раздался тревожный сигнал.

Мор тут же потерял к ней интерес. Вскинув голову, он быстро нашел взглядом дверь зала иллюзий, которая переливалась разными цветами, давая понять, что за ней что-то произошло. Он оттолкнул Хильду в сторону и побежал через весь коридор к нужному залу, хромая чуть заметнее, чем обычно.

Когда еще двое преподавателей показались в коридоре, Мор уже скрылся за переливающейся дверью.

Глава 2

Обучение в Академии Легиона было напряженным. Особенно для тех курсантов, которые хотели попасть в группы подготовки к службе в рядах следователей или боевиков. Много тренировок, много материала для изучения, сложные в эмоциональном плане симуляции, порой так похожие на реальность. Постоянное соперничество и желание обойти конкурентов приводило к тому, что почти все рано или поздно срывались. Кто-то начинал препираться с преподавателями, как Хильда, но чаще курсанты вымещали злость друг на друге.

Поэтому время от времени на тренировках в зале иллюзий случались совсем не иллюзорные травмы. В этот день одна из симуляций прошла еще хуже, чем у группы Агнессы, и в результате двое курсантов сцепились, что-то не поделив. Мору и преподавателю фехтования Гедеону Соло пришлось их разнимать, поэтому продолжить спор с куратором Хильде не удалось.

Да и не имело смысла. Хильда понимала, что потерянных баллов ей не наверстать: она не могла написать анализ ситуации, который удовлетворил бы куратора, и, соответственно, не могла получить допуск к дополнительной симуляции. Оставалось надеяться, что ей все-таки удастся попасть на практическое задание с реальным отрядом.

Такие задания для второго курса ввели совсем недавно. Новый ректор решил, что курсантам будет полезно посмотреть на работу тех подразделений Легиона, в которые они стремились, до того, как они поделятся на соответствующие группы. Куратор Мор не демонстрировал восторга по поводу этой затеи. Он легко отпускал подопечных только на совместную работу с администраторами. Будущие следователи и стражи получали шанс реальной практики гораздо реже, а с боевиками в рейды за полтора триместра и вовсе отпратилось всего три группы. Исключительно юноши. Однако Хильда не теряла надежды.

После неудачи в зале иллюзий она тоже была на взводе, поэтому, когда на следующий день на занятии по фехтованию Виктор Ланг бросил ей вызов, она не смогла его не принять.

Отец часто повторял ей: «Если не видишь способа победить в битве, постарайся ее избежать».

В этой битве Хильда не видела способа победить. Ее противник был как минимум на голову выше и вдвое шире в плечах. Он держал меч одной рукой, она – двумя, но каждый раз, когда Виктор атаковал, Хильда едва выдерживала силу его удара.

Он был силен и быстр, а она – просто быстра. От природы ей досталось довольно хрупкое тело: средний рост, тонкие кости, скромная мышечная масса. Хильда тренировалась больше, чем кто-либо в Академии, но это позволяло ей

лишь едва-едва соответствовать нижней планке требований боевого отряда.

Схватка быстро вымотала ее, Хильда уже с трудом поднимала руки. Майка промокла насквозь и прилипла к телу, волосы выбились из хвоста и облепили лицо. Конечно, бой был учебным, и она в любой момент могла остановить его, сдавшись, но не допускала даже мысли об этом.

В конце концов произошло то, чего не могло не произойти: Хильда отразила очередной выпад, но уставшие руки свело судорогой, и следующий она пропустила. Виктор быстро повернулся и нанес удар с другой стороны. Острое лезвие обожгло плечо, Хильда едва смогла сдержать крик боли. В глазах потемнело, когда по руке потекла горячая кровь.

– Ты с ума спятил? – раздался рядом возмущенный крик Валери. – Это же учебный бой, а не настоящий. Ты ее покалечил!

Звон мечей вокруг мгновенно стих, все обернулись на Хильду и Виктора. Последний отошел на пару шагов назад и теперь стоял с крайне недовольным выражением лица. Хильда зажимала рукой рассеченное плечо, стискивая зубы от боли и заливая кровью пол класса фехтования. Она отчаянно пыталась сфокусировать магический поток на заклятии остановки кровотечения, но была слишком вымотана поединком. Пронизывающая боль не добавляла ей концентрации. Зато профессор Соло уже шел к ней, чтобы помочь.

– Вам действительно следует быть осторожнее, Ланг, – за-

метил он, жестом заставляя Хильду убрать ладонь с раны. – Это все-таки тренировка. Учитывайте возможности сокурсников.

– Думаете, в настоящем бою противник будет делать скидку на то, что она девчонка? – презрительно фыркнул Виктор. – А все туда же, в боевой отряд рвется...

Пока преподаватель останавливал кровь, Хильда видела, как многие парни переглянулись и согласно закивали. Оставалось радоваться тому, что так сделали не все.

– Я, кстати, и сам служил в боевом отряде, – заметил Соло, закончив с лечением и повернувшись к Виктору. – Пять лет. И дважды обязан жизнью, как вы изволили выразиться, девчонке.

Хильда посмотрела на него с благодарностью. Геден Соло и так был одним из ее любимых преподавателей. Хотя бы потому, что он некоторое время служил вместе с ее отцом. До того, как тот влез в политический заговор и был изгнан. В свои сорок пять Соло оставался высоким, хорошо сложенным, светловолосым красавцем со сносным чувством юмора и уважительным отношением к женской половине курсантов. Что среди бывших легионеров-боевиков встречалось не так часто.

Виктор виновато потупился, но ненадолго. Стоило преподавателю отвернуться, как он тут же бросил на Хильду хмурый взгляд исподлобья.

– Идите в лазарет, Сатин. Кровь я остановил, но срastить

ткани и снять боль сможет только профессиональный медик. Фехтовать сегодня вы все равно не сможете. Остальным продолжать. Мне кажется, я не давал команды остановиться.

Вокруг вновь зазвенела сталь, а Хильда поплелась в раздевалку, в которой остался ее китель. Его пришлось нести в руке, потому что раненое плечо по-прежнему горело огнем и отказывалось повиноваться.

Поскольку занятия по фехтованию проходили в спортивном корпусе, а лазарет находился в основном, ей пришлось пересечь двор. Сентябрь только начался, и на улице было еще достаточно солнечно и тепло. Это позволяло надеяться, что прогулка в одной мокрой от пота майке не закончится для нее простудой.

– О, надо же, кто тут у нас! – почти радостно воскликнула Ада Вилар, штатный доктор лазарета Академии.

Она всегда казалась веселой и радостной. Даже когда курсанты умудрялись сильно друг друга покалечить, доктор Вилар продолжала улыбаться и говорить нарочито бодро. Порой создавалось впечатление, что ее жизнь – бесконечный праздник, но все знали, что это не совсем так. Вилар в одиночку растила сына и говорила, что его отец – легионер, погибший при исполнении. Правда, она никому и никогда не называла имени того легионера, ссылаясь на то, что он все равно не успел на ней жениться. Все, конечно, понимали, что это значит, но делали вид, что верят в историю с погибшим героем.

– Что у нас сегодня? – поинтересовалась доктор Вилар, собирая пшеничного цвета волосы в аккуратный хвост, чтобы они не мешали осмотру.

Хильда с трудом взобралась на высокую кушетку и села так, чтобы пострадавшее плечо было проще осматривать и лечить. Доктор Вилар нахмурилась, сначала изучая рану взглядом, а потом дополнительно исследуя с помощью магии. Закончив, она вздохнула.

– Мне надо серьезно поговорить с профессором Соло. Боевые мечи на занятиях у курсантов второго года – это недопустимо!

Хильда пожала плечами. Она считала, что в мире, где подобное ранение можно полностью излечить за несколько часов, тренировки с боевыми мечами вполне допустимы даже в первый год обучения.

– Хотя бы кровотечение нормально научился останавливать, – проворчала доктор Вилар, а потом предупредила: – Сейчас будет больно. Мне придется снова открыть рану.

Хильда стиснула зубы и малодушно прикрыла глаза, но ей удалось не застонать в голос.

Со сращиванием тканей доктор Вилар управилась довольно быстро, минут за двадцать. Не очень приятные минуты, но не смертельные: за время учебы болевой порог у Хильды заметно повысился. Она считала это плюсом, поскольку едва ли в боевом отряде травмы были редкостью.

– Все-таки девушкам вроде тебя не стоит стремиться в бо-

евики, – мягко заметила доктор Вилар, когда закончила.

Ее серо-голубые глаза светились сочувствием и материнской заботой, но Хильда так часто слышала эту фразу за последние полтора года, что она неизменно вызывала у нее раздражение. Каким бы тоном и с какими бы чувствами ни была произнесена.

– Я как-нибудь сама разберусь, куда мне стремиться, спасибо, – прозвучало довольно резко, но доктор Вилар только улыбнулась в ответ.

– Ты знаешь, есть ведь разные снадобья... – Она выразительно посмотрела на Хильду. – Они не очень-то одобряются, я бы и сама не стала их рекомендовать, но... – Она вздохнула. – Но в твоем случае они могут уравнивать шансы с противником вроде Виктора Ланга.

Хильда посмотрела на нее исподлобья. Она слышала про такие снадобья. Стоило кому-то продемонстрировать на тренировке или зачете результат выше обычного, за спиной его тут же начинали шептаться об усилителях – снадобьях, которые могли придать сил, ловкости, выносливости, скорости реакции. Поговаривали даже, что в боевом отряде их принимают перед некоторыми рейдами вполне официально.

Однако Хильда не верила в них. Во-первых, отец никогда не говорил ни о чем таком. Он прослужил в боевом отряде неполных два года, и если бы что-то такое было там в ходу, он бы знал. Во-вторых, к любым допингам курсантка Сатин относилась настороженно. Особенно к «не очень-то одобря-

емым». Хильда подозревала, что будь они безвредны, их бы точно одобряли и принимали все, кому был важен результат.

Хильда хотела попасть в боевики и была готова приложить к этому максимум усилий, но терять голову и травить себя сомнительными снадобьями не собиралась. Либо она сделает это честным путем, либо примет поражение.

Ей ничего не пришлось говорить вслух, доктор Вилар и так все поняла и одобрительно кивнула, но тут же заявила:

– Кроветворное, обезболивающее и общеукрепляющее выпить придется, ты знаешь правила.

Правила Хильда знала, поэтому послушно проглотила все три упомянутых снадобья под пристальным взглядом доктора. Обезболивающее подействовало сразу, да и после срачивания тканей рука уже не болела, а скорее немного ныла, поэтому Хильда без труда натянула китель и застегнула его.

– Спасибо, доктор Вилар, – поблагодарила она с чувством, давая понять, что сожалеет о своей грубости.

– Да не за что, – отмахнулась та, убирая бутылки со снадобьями обратно в шкаф. – Ты береги себя.

– Обязательно!

С кушетки Хильда прыгнула уже более ловко, чем взбиралась на нее. О физических упражнениях на сегодня можно было забыть, но пропускать лекцию по теории темной магии не следовало, поэтому она поторопилась к выходу из лазарета.

Не успела она переступить порог, как перед ней взмахнула

крыльями крошечная фея. Одна из тех, что разносила корреспонденцию по территории Академии. Бросив Хильде записку, фея тут же удалилась, что означало: ответ не требуется. Из содержания записки сразу стало ясно почему.

«Вам надлежит немедленно явиться к ректору Шадэ».

Хильда почувствовала неприятный холодок внутри. Только этого не хватало. Неужели Мор пожаловался на нее ректору?

Глава 3

По дороге к кабинету ректора Хильда заметно нервничала. Грей Шадэ был новым ректором Академии, назначенным в начале этого учебного года. Она видела его всего один раз: во время построения, на котором прежний ректор объявил о своей отставке и представил курсантам нового.

В качестве первой рекомендации он упомянул, что Шадэ десять лет прослужил в боевом отряде. Авторитет нового ректора в одно мгновение стал непоколебим: людей, продержавшихся в боевом отряде так долго, за последние сто лет существования Легиона можно было пересчитать по пальцам. А Шадэ после этого еще почти двадцать лет работал следователем, что подняло его в глазах курсантов на неведомые высоты.

Он был назначен ректором Академии сразу после ухода из Легиона, а потому выглядел внушительно. Полностью сохранил физическую форму, которая требовалась во время службы. И хотя в его темных волосах заметно пробивалась седина, а на лице хватало морщин, он все равно оставался довольно привлекательным для своего возраста мужчиной. Разумеется, в глазах взрослых женщин, а не курсанток, но это было только к лучшему. Магическому миру хватило двух браков между ректором и студенткой, произошедших за последние два года. Третий подобный скандал стал бы замет-

ным перебором.

Хильду еще никогда не вызывали к ректору, и она не представляла, чем могла так провиниться сейчас. В голову настойчиво лезло предположение, что Шадэ тоже решил отговорить ее от подготовки, направленной на вступление в ряды боевого отряда. Просто за компанию со всеми остальными.

Ее подозрения усилились, когда перед кабинетом ректора Хильда столкнулась с куратором. И окончательно решила, что вызов к ректору связан с испытанием в зале иллюзий и ее «выступлением» после него. Видимо, она наконец достала Мора своими препирательствами.

– Добрый день, куратор Мор, – поприветствовала она, вытягиваясь по струнке даже чуть старательнее, чем положено, но тут же услышала ожидаемое разрешение:

– Вольно, курсантка.

В повседневном общении куратор не любил официоза, предпочитая оставлять его для специальных мероприятий и построений. Это была еще одна причина, по которой его любили подопечные.

Однако сейчас в его «вольно» Хильда услышала больше, чем обычно. Каким-то непостижимым образом во фразе прозвучало: «Расслабься, это не из-за вчерашнего». Вероятно, что-то в тоне куратора или в его взгляде дало понять: Мор не сердится за то, что она спорила с ним накануне. И не просто спорила, а старалась ужалить.

Хильда и расслабилась, но ненадолго.

– Уже наслышан об инциденте на фехтовании, – заявил Мор недовольно, покосившись на ее плечо. – Может быть, стоит выбирать себе соперника по уровню для учебных боев?

Его голос прозвучал строго, осуждающе, словно это она выбрала заведомо более слабого оппонента и покалечила его во время тренировки.

– Может быть, вам стоит поговорить об этом с Виктором Лангом, господин куратор? – предложила Хильда, стараясь, чтобы ее слова не звучали слишком уж дерзко. – Он выбрал меня в свои соперники.

– Но вы приняли его вызов.

– Ланг – сильнейший фехтовальщик на курсе. – Она пожала плечами, демонстрируя недоумение. Тон давал понять, что причина ее согласия очевидна. – Конечно, я приняла его вызов. Стать лучшей можно, лишь победив лучшего.

Куратор сверлил Хильду взглядом своих красивых карих глаз, которые приводили в трепет многих курсанток, но ее сейчас заставляли ежиться от озноба. Она в очередной раз задумалась, что же такого сделала, почему Мор стал так суров с ней. Ведь в прошлом году он вел себя иначе. Может быть, она его чем-то оскорбила и даже не заметила? Это было бы очень скверно, потому что характеристика куратора играла не последнюю роль при приеме в боевой отряд.

– Очень сомневаюсь, что у вас когда-либо получится его одолеть, – изрек Мор, но тут же с едва заметной улыбкой

добавил: – Хотя я бы с удовольствием на это посмотрел.

Один из редких проблесков его прежнего отношения, когда он больше в нее верил и чаще подбадривал.

Хильда не удержалась. Она тоже улыбнулась и, понизив голос, предположила:

– Возможно, однажды мне удастся доставить вам удовольствие.

Это прозвучало довольно двусмысленно. Порой и ее заносило на поворотах: удержаться от флирта с куратором было сложно. Многие даже и не пытались сдерживаться. Хильда часто наблюдала, как сокурсницы приставали к нему с какими-нибудь дурацкими вопросами, глупо хихикая в процессе разговора. Ей самой подобное поведение казалось ужасно неуместным, но Мор к этому относился спокойно. Чаще всего он игнорировал попытки курсанток завести неделовой разговор, но мог и ответить тем же, смущая тех, кто старался смутить его.

Однако в моменты, когда они вдруг оказывались наедине, и он *так* смотрел на нее, Хильда и сама не могла удержаться. Как – *так*, она не смогла бы описать словами. Просто бывал у него порой взгляд, который отличался от других и заставлял Хильду чувствовать, что между ними действительно есть какая-то незримая связь. Это отдаленно напоминало ее ощущения во время того самого первого построения, когда он узнал ее в шеренге других курсантов и обратился с вопросом. Оставалось только порадоваться, что в такие моменты

она не несла чушь, глупо хихикая, хотя сердце предательски начинало биться быстрее.

– Больно было? – мягко поинтересовался Мор, не развивая тему взаимных удовольствий, но продолжая смотреть на нее этим странным редким взглядом.

– Мне всего лишь рассекли мышцу до кости, – она позволила себе чуть-чуть язвительности в тоне. – Комары и то больней кусают.

Ей показалось, что куратору понравился такой ответ. На этом тема инцидента на фехтовании была исчерпана. По крайней мере, между ними.

В приемную ректора они вошли вместе. Их сразу пропустили в кабинет к Шадэ, поскольку, по словам секретаря, тот их уже ждался. И вместе вытянулись по струнке, представ перед общим командиром – ректором. Тот при их появлении остался сидеть за столом, Хильда с Мором остановились в метре от стола. На этот раз команда «вольно» не прозвучала.

– Курсантка Сатин, это правда, что вы проходили спецкурс в Орте и были дружны с Таней Лариной, ныне Норман, которая потом оказалась ревоплощением Роны Риддик? – без предисловий и лишних приветствий спросил ректор.

Хильда настолько не ожидала услышать подобное, что удивленно посмотрела на ректора. И тут же снова потупилась, удивляясь самой себе. Грей Шадэ почему-то пугал ее. Пронзительно-синие глаза, странно сочетававшиеся с темным цветом волос, буквально морозили. Наверное, преступники

у него на допросах признавались во всем еще до того, как он успевал задать вопрос. Хильда редко испытывала трепет перед преподавателями, но сейчас в животе что-то болезненно заныло, словно она чувствовала за собой какую-то вину, чего на самом деле не было.

– Дружны – это громко сказано, ректор Шадэ, – осторожно ответила она, стараясь, чтобы голос прозвучал твердо и уверенно. Но глазами шарила по его столу, ища, за что бы зацепиться. – Мы делили с ней комнату и хорошо общались, но ни разу не встречались после того, как я покинула Орту и поступила в Академию Легиона. Хотя мы до сих пор обмениваемся письмами.

– В моем представлении это достаточно похоже на дружбу, – хмуро заявил ректор, продолжая прожигать ее холодным огнем. – Академии нужна ваша услуга, курсантка.

Это стало еще большей неожиданностью. Хильда не могла даже предположить, какого рода услугу может оказать Академии Легиона. И при чем тут ее бывшая дружба с Таней Лариной? Ее взгляд еще раз метнулся к лицу ректора и тут же вернулся обратно к столешнице, заваленной бумагами, наконец зацепившись за конверт с красивой эмблемой: смутно знакомый символ, заключенный в два тонких круга, между которыми размещались символы поменьше. Хильда пыталась вспомнить, что это за язык. Точно не алфавит магов.

– Полагаю, вы знаете о том, что в скором времени Академия отмечает юбилей, – тем временем сказал ректор. Не

спросил, а именно констатировал факт.

– Сто лет со дня основания, – с готовностью кивнула Хильда, продолжая рассматривать конверт.

Долгое время Легион практиковал обучение в процессе службы, лишь в год четырехсотлетнего юбилея открыл собственную Академию, где отныне предлагалось готовиться к службе в его рядах.

– Да, и поскольку сам Легион был основан во времена правления Роны Риддик, нам хотелось бы, чтобы она... то есть ее ревоплощение... присутствовала на церемонии и балу в честь этого события. Нам – это руководству Академии, Легиона и даже канцлеру Республики.

Хильда позволила себе еще раз взглянуть на ректора и изобразить на лице непонимание, чтобы он объяснил подробнее. Почему они не могут ее просто пригласить? Насколько она знала, Таня постоянно ходила в этом качестве на разные мероприятия.

– Дело в том, что госпожа Норман отказалась от нашего приглашения, – добавил ректор, правильно истолковав выражение ее лица. – Нам нужно, чтобы кто-то ее... убедил.

– Разрешите уточнить, – попросила Хильда, видя, что ректор замолчал.

И замолчала сама, хотя дожидаться формального разрешения не требовалось. «Разрешите спросить» или «разрешите уточнить» было скорее вежливой формой, принятой при обращении к вышестоящему легионеру.

Но Хильда и не ждала ответа ректора. Просто заметила вдруг, что конверта, который она только что разглядывала, больше нет на столе. И это сбило ее с мысли.

– Разрешаю, – ректор подтолкнул ее к продолжению.

Хильда не сразу вспомнила, что хотела спросить. Чтобы как-то собраться с мыслями, она снова подняла взгляд на ректора, но остановилась на верхней пуговице его кителя, чтобы не смотреть в глаза.

– Почему она отказалась? Если мне предстоит ее убедить, то хотелось бы понимать мотивы отказа.

Ректор вздохнул, продолжая недовольно хмуриться и даже, как показалось, едва сдерживаясь, чтобы не начать ругаться. Сдержаться ему все-таки удалось, он пояснил достаточно спокойно:

– Наше первое приглашение распространялось на нее одну. Когда она ответила, что посетит мероприятие с мужем, мы... отреагировали не совсем верно.

– Вы отказали, потому что он был темным? – уточнил Мор.

– Мы отказали, потому что с его именем связан самый большой и самый позорный для Легиона скандал за последние... да, пожалуй, за все время его существования! – неожиданно эмоционально заявил Шадэ, подавшись вперед и недовольно посмотрев на Мора.

Хильда скосила глаза на куратора. Пугает ли ректор его так же, как и ее?

Если Мор и испытывал какой-то дискомфорт от взгляда Шадэ, то никак его не демонстрировал. В глаза ректора он смотрел хладнокровно.

– При всем должном уважении, господин ректор, – осторожно заметила Хильда, – профессор Норман вместе с Таней раскрыли заговор внутри Легиона, предотвратив убийство канцлера и захват власти монархистами.

– Именно, – ничуть не смутился Шадэ, – и это совсем не то событие, которое хотелось бы вспоминать на торжественном мероприятии. Как бы там ни было, после размышлений и совещаний Легион и Академия согласились на его присутствие.

– Но госпожа Норман уже оскорблена первым ответом, поэтому не приняла второй, – догадался Мор.

– Именно, – повторил Шадэ. – Мероприятие в конце триместра, еще целый месяц, но его программа и известные гости, которые выступят с речью, должны быть анонсированы в прессе на следующей неделе. Наши официальные обращения госпожа Норман игнорирует, поэтому всплыло ваше имя, курсантка Сатин. У вас есть возможность повлиять на решение подруги. Как минимум есть шанс, что вас выслушают.

Хильде не хотелось влиять на решение Тани. На ее месте она, наверное, тоже отказалась бы после такого. Но озвучить подобное мнение ректору Шадэ сейчас точно не осмелилась бы. Да и считала это плохой приметой для будущей карьеры:

перечить ректору Академии. Ничего не случится, если она хотя бы попробует.

– Хорошо, господин ректор. Я встречусь с ней в эти же выходные...

– Нет, вы отправитесь к ней сегодня, ее согласие необходимо получить как можно скорее. Поэтому я и вызвал вашего куратора, – Шадэ кивнул на Мора. – Он будет вас сопровождать, поскольку по правилам вы не имеете права покидать территорию Академии в течение недели. Но это официальное поручение. И оно вам обязательно зачтется, если вы преуспеете.

Серьезная мотивация! У Хильды на мгновение даже дыхание перехватило – вот он, шанс попасть на практическое занятие в обход ограничения куратора.

– Тогда могу ли я сама выбрать... награду в случае моего успеха? – спросила она, удивляясь тому, что трепет перед ректором внезапно развеялся.

Брови Шадэ удивленно взметнулись вверх: он не ожидал от курсантки подобной прыти. Куратор Мор рядом заметно напрягся, предчувствуя неладное.

– Смотря что вы собираетесь попросить, – осторожно ответил Шадэ, бросив на Мора быстрый недовольный взгляд.

– Разрешения отправиться в реальный рейд с боевиками. Вы ввели такую возможность для нас еще в начале года, но мне до сих пор ни разу не посчастливилось быть отобранной в группу. А я бы очень этого хотела.

– Господин ректор, как куратор курсантки Сатин, я против, – быстро подал голос Мор. – Я не считаю ее готовой для реального рейда.

Хильда изо всех сил стиснула зубы, чтобы промолчать. Снова и снова она повторяла себе, что от споров будет только хуже. Теперь в любом случае все в руках ректора.

Тот несколько секунд переводил задумчивый взгляд с Мора на Хильду и обратно, а потом принял решение:

– Если у вас получится ее убедить, вы отправитесь в ближайший рейд, на который пригласят курсантов. Возражения не принимаются, – быстро добавил он, видя, что Мор снова набрал воздух в легкие. – Можете быть свободны. Отправитесь в Орту после занятий.

Мор и Хильда синхронно кивнули, повернулись и зашагали к выходу. Только в коридоре она позволила себе снова расслабиться.

– Думаю, с подругой вам лучше разговаривать без моего участия, – холодно предположил Мор. Хильда кожей ощущала его недовольство, но если он не собирался обсуждать ее просьбу в кабинете ректора, то она тем более не станет затевать этот разговор. – У нас с ней отношения не сложились с самой первой встречи.

Хильда кашлянула, маскируя этим вырвавшийся нервный смешок. Это было слабо сказано. Во время их общего обучения на спецкурсе Таня Ларина влюбилась в преподавателя темных ритуалов и заклятий. Мор, как и все legionеры,

терпеть не мог магов, использующих темный поток. О чем он и сообщил студентам на первом же занятии. Таня, естественно, обиделась за любимого мужчину, наговорила много всего в ответ. Чтобы как-то сгладить ситуацию, Хильде тогда пришлось отвлечь внимание Мора на себя. Конфликт на этом был исчерпан, но взаимная неприязнь между Таней и Мором никуда не делась, хотя тот потом помог ей вызволить профессора Нормана из одиночной камеры, когда его арестовали legionеры.

– Не беспокойтесь, куратор. Мы не будем разговаривать с Таней.

– С кем же тогда мы будем говорить?

– С единственным человеком, чей авторитет для нее непререкаем. С ее мужем.

Только когда Хильда снова упомянула Яна Нормана, ее сердце екнуло. Она вспомнила символ с конверта на столе ректора: профессор Норман показывал его на занятии по темным ритуалам и заветам еще в то время, когда она училась на спецкурсе. Это был универсальный символ, означающий измерение демонов. Он позволял черпать из него темный поток.

Легионеры всячески избегали всего, что связано с темной магией. Так что тогда на столе ректора делал конверт с этим символом? И почему ректор спрятал конверт, когда Хильда его заметила?

Глава 4

Вопросы, родившиеся в голове после разговора с ректором, Хильда проигнорировала. Она решила, что если ректор Академии Легиона, боевик с десятилетним стажем и следовательно с двадцатилетним, что-то делает, то знает лучше, чем какая-то сопливая курсантка-второкурсница. Поэтому она не стала никому озвучивать собственные мысли и сосредоточилась на выполнении задания.

Хильда и не думала, что ей будет настолько приятно снова оказаться в Орте. Хотя стоило думать, ведь это место очень много для нее значило: оно стало первым шагом в мир, о котором она грезилась с раннего детства.

Здесь ничего не изменилось. Все те же ослепительно белые стены, цветные витражи на окнах, просторные холлы и коридоры, залитые солнцем или светом магических шаров, который порой ничуть не уступал солнечному. Орта создавалась задолго до Академии Легиона и первое время была школой, университетом стала много позже. Эти учебные заведения разительно отличались по архитектуре: Академия унаследовала от Легиона строгость линий, скупость отделки, мрачность интерьеров, сдержанность убранства и освещения, а Орта походила на волшебный дворец из сказки. Во всяком случае, когда Хильда попала сюда первый раз, то окрестила ее про себя именно так.

Последний раз она была тут не так уж и давно: всего полтора года назад. Успела застать даже смену портрета. Когда Хильда только поступила в Орту, в главном холле висели портреты ее официальных основателей – Гордона Геллерта и Роны Риддик. Они же были последними королем и королевой магического мира. На уроках истории студентам из семей Покинувших рассказывали о светлой и преданной любви последней королевской четы. И о том, каким ужасным был их друг и современник, еще один король, ставший впоследствии первым канцлером Республики, – Норд Сорроу, внезапно исчезнувший без следа много веков назад.

Примерно два года назад эту историю пришлось переписать. Оказалось, что «светлая и преданная» любовь у Риддик была как раз с Сорроу, а «замечательный» Геллерт сначала что-то сделал с соперником, а несколько лет спустя убил и саму Риддик, поскольку она так и не ответила ему взаимностью. Да к тому же пыталась лишить трона. Когда все это стало известно, портрет Гордона Геллерта сменили на портрет Норда Сорроу.

Новый вариант истории миру поведала та самая Таня Норман, в девичестве Ларина, с которой Хильда делила комнату во время прохождения спецкурса. Она оказалась ревоплощением магического потока Роны Риддик, что в местной мифологии воспринималось как версия реинкарнации с сохранением памяти о прошлой жизни. Теперь Таню почитали ничуть не меньше, чем до сих пор любимую народом древнюю

королеву. А ведь Таня собиралась отучиться год и вернуться в привычный и родной для нее мир обычных людей.

Хильде она однажды призналась, что никакая не Рона Риддик. В нее действительно ревоплотился магический поток древней королевы, но при этом ни одной черты ее личности и ни одного воспоминания она не приобрела. Унаследовала только магическую силу и дар предвидения. Однако роль свою Таня играла достаточно убедительно. И так старательно обеляла память Норда Сорроу, что даже наиболее скептически настроенные граждане Второй Магической Республики стали догадываться, куда он исчез на самом деле и почему ее муж носит иллюзию. Одного никто не понимал: почему сам Норман так и не признал, кем является на самом деле.

– Ностальгия? – неожиданно прозвучало над ухом.

Тоном куратора можно было заморозить воду, и Хильда поняла, что дерзость в кабинете ректора ей еще припомнят.

– Есть немного, – признала она тихо.

– Я бы и хотел предложить вам не торопиться, но боюсь, времени у нас не так много, – заметил Мор, зачем-то поправляя форму, которая и так сидела на нем прекрасно.

Хильда заподозрила, что он по какой-то причине нервничает, но не смогла придумать почему. Чтобы не терять ни свое, ни его время, она уверенным шагом направилась к лестнице: кабинет ректора в Орте находился на самом последнем этаже. Мор последовал за ней.

Как и его предшественник, ректор Норман не прятался от посетителей за приемной с секретарем, поэтому они могли беспрепятственно войти, но тем не менее нерешительно замерли у двери, услышав за ней голоса. Беседа шла на повышенных тонах и больше походила на ссору, что было довольно неожиданно и очень некстати.

– И не подумаю этого делать!

Именно это восклицание Тани заставило их остановиться и переглянуться. В тоне подруги было столько возмущения, что Хильда растерялась. До сих пор она даже не представляла себе, чтобы та могла кричать на Нормана. Она наблюдала их отношения только первые полгода, пока оставалась в Орте и готовилась к поступлению в Академию. У Тани с мужем тогда шел затянувшийся медовый месяц. Теперь же их браку исполнилось два года, вполне могли вылезти некоторые... нестыковки характеров и мировоззрения, которые неизбежно должны были существовать у людей с восемнадцатилетней разницей в возрасте, выросших в разных мирах.

– Боги, Таня, разве я так часто тебя о чем-то прошу? – Норман отвечал не менее раздраженно.

– Можно подумать, я запрещаю тебе меня о чем-то просить! Из нас двоих запрещать что-либо склонен ты. Но когда я слышу подобные просьбы, я хочу понимать, в чем, черт побери, дело! Особенно учитывая наш разговор недельной давности!

– Ладно, я понял, ты не готова сейчас к конструктивной

дискуссии, давай обсудим это позже, – после небольшой паузы голос Нормана прозвучал уже тише и спокойнее. Хотя и довольно холодно. – У меня сейчас назначена встреча, и ко мне могут прийти в любую минуту.

– О, ну конечно, как всегда я неконструктивна! – Таня и не думала успокаиваться. – Дело ведь не может быть в тебе, ты же у нас идеальный! Это я вздорная девчонка, которой все время что-нибудь не так. Ты не воспринимаешь меня всерьез!

– Не понимаю, чем я заслужил подобный тон и подобные упреки, – в голосе Нормана снова прорезалось раздражение.

– Похоже, в раю наступили темные времена, – тихо хмыкнул Мор. – Мы и дальше будем подслушивать под дверь или все-таки постучимся и обозначим свое присутствие?

Хильде отчаянно хотелось продолжить подслушивать. Она не понимала, что такого могло произойти между Таней и Норманом, что подруга так разбушевалась. Дело было даже не в природном любопытстве. Послушав достаточно долго, она, возможно, смогла бы понять, как действовать дальше. Однако куратор смотрел на нее так выразительно, что Хильда не решилась выбрать эту стратегию. Она подняла руку и громко постучалась.

Как и следовало ожидать, голоса в кабинете моментально смолкли, но громкое и четкое «Войдите» прозвучало только через довольно внушительную паузу.

Мор толкнул дверь и пропустил Хильду, хотя по уставу

Легиона и Академии старший легионер должен был входить первым, независимо от пола младшего. Хильда от неожиданности замешкалась на несколько секунд, но потом уверенно шагнула вперед. Они остановились в центре куда более просторного, чем в Академии Легиона, ректорского кабинета. Мор замер чуть позади, как бы подчеркивая, что он только сопровождающий.

Хильда постаралась быстро оценить ситуацию. Сердитая Таня стояла в стороне, скрестив руки на груди и пытаясь успокоить дыхание. В ее манере одеваться почти ничего не изменилось: светлая блузка, строгая юбка. Разве что раньше она так одевалась только в особых случаях, в повседневности предпочитая джинсы и удобные джемперы. Но в мире магов джинсы никто не носил, а женщины и вовсе носили брюки редко. Танина прическа тоже осталась прежней: длинные рыжеватые волосы беспорядочно вились и свободно спадали с плеч. На щеках у нее играл яркий румянец. Она всегда быстро краснела, но сейчас это было особенно заметно. Зеленые глаза лихорадочно блестели, Хильде даже показалось, что в них застыли слезы.

В отличие от нее Норман выглядел совершенно спокойным. Он тоже встречал гостей стоя, но руки, по обыкновению, сцепил за спиной. Ни лицо, ни глаза не выдавали никаких эмоций, что, конечно, ничего не значило. Во-первых, внешность его была иллюзией, в том числе и серые глаза, и аккуратно постриженные светлые волосы. Во-вторых, если

он действительно был древним королем, каким-то образом оказавшимся в современности, то безусловно умел держать себя в руках. И насколько Хильда знала, умел очень хорошо.

– Госпожа Сатин, господин Мор, – поприветствовал он почти дружелюбно, пока Таня молча стискивала зубы, пытаясь взять себя в руки. – Рад вас снова видеть. Чем обязан?

Хильда не знала, с чего начать, ведь она не рассчитывала разговаривать с ним в присутствии Тани. Тем более в присутствии чем-то крайне огорченной Тани. Мор не собирался ей помогать: она затылком чувствовала, что он смотрит на нее и ждет ответа ничуть не меньше, чем Норман.

– Я, пожалуй, оставлю вас, – наконец смогла выдавить из себя Таня. Голос ее довольно заметно дрожал.

– Нет, пожалуйста, – попросила Хильда, действуя исключительно по наитию. – Остайся. Вообще-то мы пришли к вам обоим.

– Неужели?

Ее голос прозвучал удивленно. Таня недоверчиво посмотрела на Хильду, потом перевела взгляд на Мора. На секунду обернулась к мужу, а потом на ее лице отразилось понимание.

– Они же не отправили тебя уговорить меня прийти на их глупую вечеринку? – со смесью раздражения и надежды почти простонала она.

У Хильды за спиной раздался едва различимый звук, как будто Мор поперхнулся словами. Было мило с его стороны

все-таки их проглотить: не хватало только начать сейчас спорить, насколько глупа «вечеринка» в честь юбилея Академии Легиона.

– Боюсь, что именно это они и сделали. – Хильда изобразила на лице виноватое выражение, хотя на самом деле не чувствовала за собой никакой вины. Она же не в ловушку Таню заманивала, а звала на торжественное мероприятие. – Я понимаю, что руководство Академии вас обидело. Обоих, – она перевела взгляд на Нормана. – Но они же извинились.

– Не смотрите на меня, Хильда. – Норман вздохнул и повернулся к супруге. – Не я обиделся, а Таня. Мне совершенно все равно, как руководство Академии Легиона ко мне относится.

У Хильды возникло странное чувство, будто причиной ссоры Тани и Нормана стало то самое приглашение, ради которого они с Мором сюда и пришли. Неужели Норман пытался убедить Таню его принять? Зачем ему это?

– Ты прекрасно знаешь, почему на самом деле я не хочу туда идти, – процедила Таня, даже не посмотрев на мужа.

Хильда окончательно растерялась. Да что здесь происходит?

– А почему? – Она обезоруживающе улыбнулась Тане, надеясь, что та в память о бывшей дружбе все ей расскажет.

Однако Хильда не учла наличие в кабинете Мора. Его действительно стоило оставить у портала и идти одной. Потому что Таня уже набрала в легкие воздух, а потом скольз-

нула по нему взглядом и резко выдохнула.

– Неважно. Тебе-то это зачем? – спросила она, неожиданно заметно смягчаясь.

– Меня послали, и я должна продержаться, – хмыкнула Хильда. – Может, меня даже наградят за это.

Таня внезапно рассмеялась и покачала головой. Бросила на Нормана быстрый взгляд, на этот раз уже не раздраженный, а скорее печальный.

– Если мое согласие имеет значение для *тебя*, – она снова повернулась к подруге, – то передай своим командирам, что я приду. *Мы* придем. Пусть и не надеются, что я приду без мужа.

– Прекрасно, именно этого мы все и хотим, – заверил Мор, впервые за все время подав голос.

Норман демонстративно кашлянул. Иначе это и назвать было нельзя, на естественный кашель этот звук совершенно не походил. Хильда заметила, как по лицу Тани снова скользнуло недовольство, но подруга тут же справилась с собой.

– И у меня будет одна просьба лично к ректору Шадэ, – добавила она без всякого энтузиазма. – Яну нужно разрешение на работу с литературой в библиотеке вашей Академии.

Хильда оглянулась на Мора, поскольку вести подобные переговоры не имела права. Тот тоже нахмурился, не зная, как поступить. Похоже, никто не ожидал, что Таня начнет торговаться.

– Мне нужен разовый допуск буквально на час, – заметил

Норман. – Если мне категорически не доверяют, я согласен на присутствие любого представителя Академии или Легиона.

– Я думаю, ректор Шадэ удовлетворит вашу просьбу, – медленно, как будто неохотно ответил Мор. – Но вы же понимаете, что подтверждение может исходить только от него лично. Ни у меня, ни у курсантки Сатин нет соответствующих полномочий, чтобы это обещать.

Таня кивнула, сосредоточенно шурясь, словно пытаюсь что-то разглядеть на его лице.

– Тогда передайте ректору Шадэ, что мое окончательное согласие зависит от его ответа. Как только он направит мне свое решение, я официально передам ему свое. Скажите, а почему у вас форма черная, а не синяя? – внезапно спросила она.

Мор снова обменялся удивленным – даже растерянным – взглядом с Хильдой. Смена темы оказалась слишком неожиданной.

– Синюю носят действующие легионеры, – после недолгого молчания пояснила Хильда. – А мы ими не являемся. Я курсантка, а господин Мор – преподаватель и куратор. Фактически мы не состоим на службе в Легионе.

Таня кивнула и задумчиво пробормотала, улыбаясь почему-то с заметной грустью:

– Так странно видеть тебя в форме. И без разноцветных пряжей.

Хильда нарочито горестно вздохнула и развела руками.

– Что поделаешь? Устав запрещает выглядеть иначе. Это еще что! Если попаду в боевой отряд, придется постричься под мальчика, – она едва заметно кивнула на Мора, ссылаясь на его короткую аккуратную стрижку.

Таня изобразила на лице ужас и покачала головой. Теперь она походила на себя прежнюю, просто чем-то расстроенную. Хильда решила расспросить ее подробнее во время бала, а сейчас было самое время откланяться. Однако стоило им попрощаться и сделать несколько шагов к двери, как Норман неожиданно обратился к Мору:

– Вам так и не удалось полностью оправиться от того... ранения?

Мор обернулся, вопросительно глядя на него. Он снова казался удивленным и растерянным – явно не ожидал, что Норман начнет вдруг интересоваться его здоровьем.

– Вы все еще заметно хромаете, – пояснил тот. – Когда вы преподавали в Орте, все выглядело хуже, но прошло уже больше двух лет, а вы так полностью и не восстановились.

– Доктора считают, что лучше уже не станет, – признался Мор после недолгого колебания.

– Вот как? – удивился Норман. – А вы пробовали показываться специалисту по темной магии?

На одно короткое мгновение лицо Мора перекосило от ненависти. И хотя он очень быстро с собой справился, все это заметили.

– При всем должном уважении к вам, ректор Норман, я не очень доверяю темным, – вежливо, но очень холодно ответил Мор.

Норман криво улыбнулся.

– Что ж, если захотите, можете как-нибудь показать ногу мне. Я больше не темный, но мои знания в этой сфере никуда не делись. Я не настаиваю, просто имейте в виду, что готов попробовать помочь, если вы решитесь.

– Благодарю, – все так же отстраненно ответил Мор, но было очевидно, что к Норману он обратится, если только нога начнет отваливаться.

Хильда поторопилась уйти, пока реакция куратора снова не обидела Таню. Она и сама не разделяла странной слепой ненависти к темным, которая у действующих и бывших легионеров была словно в крови, но старалась не говорить об этом вслух.

– Не хотите поздравить меня с успешно выполненной миссией? – не удержалась она от вопроса, дожидаясь, пока Мор настроит портал для обратного путешествия в Академию.

– Я бы поздравил вас, – не отрываясь от своего занятия, ответил тот. – Если бы в качестве награды за это вы не попросились в рейд.

– Вы считаете, что я не справлюсь? – к ее собственному неудовольствию, в тоне прозвучала обида.

Мор наконец оторвался от артефакта, управлявшего работой портала, и посмотрел на нее. Лучше бы он этого не

делал: у Хильды моментально пересохло в горле и внутри все болезненно сжалось. Но взгляда она не отвела. Напротив, гордо вздернула подбородок и посмотрела на куратора с вызовом.

— Я считаю, что вы поставили меня в крайне неудобное положение перед ректором Шадэ. Это во-первых. Во-вторых, вы дали мне понять, что мое мнение для вас ничего не значит. Очевидно, я недостаточно авторитетен для вас. Пусть так. Но тогда не ищите моего одобрения. Ведь оно точно так же не должно для вас ничего стоить.

Заявив это, он повернулся и стремительно шагнул в портал. Хильде оставалось только последовать за ним, проглатывая ком обиды, вставший в горле. Вместе с чувством вины.

Глава 5

Уже на следующий день Хильда и думать забыла о странном конверте на столе ректора и ссоре Норманов. Ее больше заботило то, что она так неосторожно испортила отношения с собственным куратором. С одной стороны, она была рада тому, что все-таки попадет на практику: ректор подтвердил это, когда она отчиталась ему о визите в Орту. Условие Тани его, конечно, не обрадовало, но он счел его выполнимым. С другой – Хильда не могла предсказать, какие последствия будут у ее поступка, если куратор все же затаит на нее обиду.

И это не говоря о том, что было муторно на душе от самого факта ссоры с ним. Дилан Мор вызывал у Хильды вполне искреннюю симпатию. Его мнение на самом деле очень много для нее значило. Отчасти еще и поэтому она так хотела попасть в рейд: чтобы снова услышать от куратора похвалу, признание в том, что он ошибался на ее счет. Оставалось надеяться, что она действительно сможет проявить себя в рейде с лучшей стороны, и Мор оттаит. В конце концов, он всегда ей все прощал. Раньше.

Обо всем этом она и думала утром в среду, бессмысленно пялясь на витрину с блюдами из молочных продуктов, вместо того чтобы выбирать себе завтрак.

– Древние боги, как же он хорош собой... – чуть ли не простонала Валери ей на ухо, отвлекая от тревожных мыс-

лей.

Хильда попыталась проигнорировать, сделать вид, что ничего не слышала. Страдания соседки по парню с судебного факультета за полтора года успели ее утомить. Она искренне считала, что за такой срок можно или соблазнить объект страсти, или решить, что он тебе не подходит, раз не обращает на тебя внимания. Сама Хильда в Академии успела влюбиться минимум дважды. И еще три раза заинтересоваться сокурсником. Ни в какие серьезные отношения это не вылилось, но она к ним и не стремилась: карьера боевика сейчас стояла первой в списке приоритетов, а серьезные отношения и тем более брак могли серьезно помешать.

Однако Валери думала иначе. По всем пунктам. Она не грезила о серьезной карьере и очень даже хотела замуж. Муж и административная должность в Легионе для нее означали стабильность и уверенность в завтрашнем дне. При этом она предпочитала наблюдать за красавчиком издалека, избегая всяческих контактов с ним. Она регулярно делилась с Хильдой восторгами и страданиями, а перед сном чуть ли не каждый вечер по несколько минут разглядывала неизвестно как попавший к ней портрет парня, но старалась не попадаться ему на глаза.

Хильда часто предлагала ей сделать первый шаг, но Валери только испуганно округляла глаза и спрашивала:

– Ты с ума сошла? Кто я и кто он! Да это просто смешно...

Хильда не видела тут ничего смешного. Возможно, Вале-

ри не тянула на роковую красотку. Она была невысокой, рыжеватой и веснушчатой, со вздернутым маленьким носом, но при этом хорошо сложена, довольно мила и достаточно интересна в общении. Хильда даже назвала бы соседку умной, если бы не ее поведение в отношении объекта страсти. Оно как-то смазывало впечатление.

Однако Ларс Фарлаг тоже был далек от идеала. В понимании Хильды, разумеется. Он казался ей чересчур худощавым – к судебникам не предъявляли требований по физической подготовке, а Хильда не воспринимала мужчин без мускулов – и болезненным. Трудно было сказать, что создает такой эффект: то ли излишняя бледность, то ли заметные синяки под глазами, то ли все вместе. Черные волосы и всегда какие-то пустые, холодные глаза усугубляли впечатление. Из привлекательных черт Хильда находила в нем только внушительный рост и королевскую осанку, но общее впечатление в любом случае портило непомерное самомнение на почве того, что он относился к так называемой «старой аристократии».

До Академии Хильда не была знакома с этим термином, поскольку родители его никогда не упоминали. Оказалось, что так здесь называют семьи, которые в прошлом, еще во времена монархии, имели титулы или сами относились к королевским. Несмотря на то, что магический мир уже пять веков существовал как республика, многие состоятельные люди до сих пор хранили память о тех временах и пытались таким образом отгородиться от «новой элиты» – тех, кто раз-

богачей уже во времена республики. Тонкости эти понимали только сами представители местного высшего общества, остальным по большей части было совершенно наплевать на то, имела чья-то семья когда-то титул или нет.

Тем не менее Ларс Фарлаг был представителем этой самой «старой аристократии», сыном министра образования и просто довольно состоятельным молодым человеком двадцати двух лет. Поэтому по нему вздыхали многие, не только Валери. Хильде оставалось радоваться тому, что в этом году он заканчивал учиться, то есть ей оставалось слушать восторги и нытье подруги всего полтора триместра.

И все же пока приходилось терпеть.

– Нет, ты посмотри, как ему идет синий! Глаза сразу синие становятся.

Валери толкнула Хильду в бок, поэтому и дальше притворяться глухой или просто слишком увлеченной выбором еды для завтрака та не могла. Пришлось посмотреть в указанном направлении: Ларс Фарлаг как раз шел к выбранному столу. Синей у него была рубашка. Судебники не носили форму, поэтому парни, как правило, одевались в костюм с рубашкой, реже – в брюки и свитер.

Глаз Ларса Хильда не видела, но смутно помнила со слов все той же Валери, что они серо-голубые. Зато она заметила, как его неожиданно перехватил Дин Вейн, ее сокурсник, и принялся что-то говорить, неуверенно улыбаясь. Хильда моментально задалась вопросом: что может объединять студен-

та второго года факультета поддержания порядка и без пяти минут выпускника судебного? Насколько она знала, Дин ни к какой «старой аристократии» не относился, как и к элите вообще, так что едва ли они могли быть знакомы вне Академии.

Валери еще что-то говорила, но она уже не слушала, наблюдая за тем, как Ларс коротко кивнул в ответ на тихую тираду Дина и пошел вместе с ним к другому столику. Столику, за которым сидел Петр Кросс.

С этим парнем Хильда некоторое время встречалась в прошлом году. Поначалу он показался ей довольно милым и симпатичным, но потом выяснилось, что он крайне негативно относится к боевикам, а сам стремится попасть в следователи. На том они и разошлись.

Наблюдая за тем, как Ларс Фарлаг в сопровождении Дина Вейна подсаживается к Петру, Хильда почувствовала странный зуд под кожей. Интуиция подсказывала, что происходит что-то важное и интересное, но она не могла даже предположить, что именно. Просто это было странно: будущие легионеры не очень-то общались с судебниками, несмотря на то, что формально принадлежали к одной организации.

Выбирая вместе с Валери фрукты и десерт, Хильда продолжала наблюдать за троицей, которая о чем-то увлеченно шепталась. Говорил теперь Петр, Дин сосредоточенно пил сок, а Ларс слушал с непередаваемым выражением лица. Хильда на полном серьезе завидовала людям, которые уме-

ли взглядом и положением бровей демонстрировать одновременно скуку, внимание, насмешку и высокомерное презрение. Ларсу это удавалось.

О чем же они говорят? Ее разрывало от любопытства.

Идея, которую она воплотила в жизнь в следующие несколько секунд, пришла в голову внезапно – когда они с Валери шли к их обычному столику. Хильда даже не успела ее толком обдумать и взвесить все за и против. Просто в один момент сменила курс и под возмущенное шипение подруги пошла к столику секретничających парней.

– Не против, если мы приземлимся тут у вас? – поинтересовалась она, уже опускаясь на стул рядом с Ларсом и не давая никому шанса возразить. – Вал, садись, они не против.

Хильда кивнула вмиг ставшей пунцовой подруге. После недолгого колебания та осторожно села на стул напротив и бросила быстрый неуверенный взгляд на Фарлага.

– Привет, Ларс, – едва слышно пробормотала она.

– Мы разве знакомы? – несколько недовольно поинтересовался тот.

Валери сразу сникла и уставилась в тарелку, а Хильде захотелось стукнуть высокомерного придурка.

– Вот и познакомимся, – невозмутимо заявила она. Уже кто-кто, а надменные красавчики ее никогда не смущали, какими бы богатыми и знаменитыми они ни были. – Я Хильда, это Валери, ребят, как я понимаю, ты и так знаешь. Что странно, если задуматься. – Она выразительно посмотрела

на Петра, который выглядел еще более недовольным, чем Ларс.

– Мы с Ларсом посещали один и тот же факультатив в прошлом году, – подал голос Дин. – То есть, конечно, один и тот же предмет. Преподаватель посоветовал мне его в качестве наставника. Так и познакомились.

– Да? А что за предмет? – Хильда постаралась, чтобы вопрос прозвучал как обычная попытка поддержать беседу, но Ларс посмотрел на нее, прищурившись, будто что-то заподозрил.

– Отрабатываешь навыки ведения дознания, Хильда? – хмыкнул он. Голос у него, невзирая на худобу, был звучным и насыщенным. Даже у Хильды внутри что-то отозвалось на него. – Если так, то подумай еще раз над выбором специализации.

– Уже подумала. – Если ее и задели слова судебного, то совсем чуть-чуть. – Я мечу в боевики, а не в следователи.

Ларс с сомнением окинул ее взглядом и громко фыркнул:

– Удачи.

– Вообще-то она хороша, – вмешался Дин.

Он был почти таким же мощным, как Виктор, но в отличие от того никогда не демонстрировал приверженность позиции «девчонкам не место в боевиках». Этим Хильде и нравился. Не нравилось ей то, что парни умело ушли от обсуждения своего знакомства с Ларсом, и теперь она не знала, как вернуть разговор к теме, которая обсуждалась до ее

появления.

Впрочем, если это было что-то секретное, они все равно не признаются. Хильда запоздало подумала, что стоило просто сесть поближе и попытаться подслушать, а не врываться в тесную компанию, но теперь уже было поздно жалеть об этом.

– Спасибо, Дин, – отозвалась она, досадуя на себя.

– Да не за что, – пожал плечами тот. – Куратор часто тебя хвалит.

Хильда искренне удивилась. Мор ее хвалит? Видимо, тогда, когда ее нет поблизости. Как же все разговоры о том, что она не готова для практического задания? Но услышать это все равно оказалось приятно. Пусть и от Дина, а не от Мора напрямую.

– Вот уж не сомневаюсь, что он ее хвалит, – неожиданно хмыкнул Петр, продолжая недовольно поглядывать на Хильду. – Вопрос только, в чем именно она хороша.

В его словах прозвучал грязный намек. В первый год обучения она слышала подобное довольно часто, но с тех пор, как Мор резко изменил свое отношение к ней, слухи и сплетни на их счет сошли на нет. Хильда считала, что все уже и думать про это забыли. А Петр, оказывается, не забыл. Или просто до сих пор не мог простить ей их последнего свидания? Она, конечно, была в тот вечер несколько резка в выражениях, но только потому, что не терпела хамства в свой адрес, даже если оно выражалось опосредованно. Например,

через отношение к боевикам.

Или через грязные намеки.

Хильда наклонилась к Петру и, доверительно понизив голос, поинтересовалась:

– Мне показалось, или ты действительно напрашиваешься на то, чтобы я разбила тебе нос прямо посреди завтрака?

Петр недовольно поджал губы, Дин прыснул в кулак, а Ларс повернулся к Хильде, как будто она его вдруг заинтересовала.

– А ты дерзкая, – заметил он, улыбаясь. – Люблю дерзких и уверенных в себе.

Всего на мгновение он скосил глаза на Валери, лицо которой мрачнело с каждой секундой, но Хильда успела заметить. И сразу поняла: паршивец знал, что Валери к нему равнодушна. Впрочем, для этого не требовалось быть семи пядей во лбу. Смутило другое: он явно пытался столкнуть их, демонстративно заигрывая с ней в присутствии Валери. Хотя знал обеих минуты полторы. Зачем?

– Осторожнее, Ларс. Не перебегай дорогу куратору Морру, – Петр все никак не унимался. – Он мужик серьезный, на твое происхождение не посмотрит.

Хильда демонстративно привстала, как будто собираясь обойти стол и все-таки ударить его, но Петр тут же примирительно вскинул руки.

– О, прости, я не подумал, что не стоит говорить об этом вслух.

– Не можешь мне напомнить, как тебе удалось год назад уболтать меня на те три свидания, что у нас были?

– Вот кого я не боюсь, так это вашего Мора, – заметил Ларс таким тоном, словно его пытались напугать кухаркой. – Если бы не мой отец, он бы сейчас в охране где-нибудь работал, а не в Академии.

Хильда тут же забыла про Петра и наострила уши. Она слышала отголоски этой истории и не совсем понимала, что именно могло связывать семью Фарлаг с Мором. С чего вдруг министр образования помог уволенному из Легиона следователю?

– Так это правда? – удивился Дин. – Он ваш протеже?

– Протеже – громко сказано. – Ларс поморщился. – Он вроде как оказал услугу старшему сыну отца, за что и потерял работу. Отец его так отблагодарил.

– Старшему сыну отца? – удивленно переспросила Хильда. – Первый раз слышу, чтобы так называли брата.

По лицу Ларса прокатилась едва заметная судорога. Видимо, оно пыталось неприязненно скривиться, но он сумел удержаться.

– Найт – сын от первого брака отца, братьями в полном смысле слова мы никогда не были.

Сказав это, Ларс, судя по всему, потерял аппетит, потому что внезапно встал, сдержанно со всеми попрощался, отлевитировал поднос с едва начатым завтраком к стойкам для грязной посуды и быстро ушел.

Вслед за ним ушел и Дин. Меньше минуты спустя Валери тоже пробормотала, что ей пора. В итоге Хильда осталась наедине с Петром. Выглядел он не очень довольным: очевидно, незванные сотрапезницы помешали какому-то важному для него разговору.

– Что ты на меня так смотришь? – с вызовом поинтересовался Петр.

Вопрос заставил Хильду очнуться от скачущих в голове разрозненных мыслей: она и не заметила, что все это время сверлила его взглядом.

– Петр, что ты задумал? – спросила она напрямик. – Я печенкой чую, что ты что-то задумал.

На его губах появилась самодовольная ухмылка.

– Скоро узнаешь, Сатин. Все узнают. Это будет лучшая итоговая работа для кандидата в следователи. Меня вполне могут зачислить в Легион досрочно.

С этими словами он поднял поднос и тоже покинул столик.

Хильда посмотрела на свои тарелки, бросила взгляд на часы и невозмутимо принялась есть. Полноценный завтрак, как и другие приемы пищи, необходим, если хочешь, чтобы мышцы хотя бы немного росли. Поэтому она ела независимо от наличия аппетита, который после разговора окончательно пропал.

Осилив практически все, что набрала, Хильда поторопилась на лекцию по теории создания артефактов. И словно в

насмешку профессор рассказывал сегодня о создании подслушивающего артефакта.

Глава 6

Несмотря на то, что шла уже вторая неделя сентября, на побережье погода оставалась почти летней. На пике дня яркое жаркое солнце прогревало песок на пляже пусть и не до раскаленного, но до вполне обжигающего состояния. Еще теплая вода залива так и манила окунуться, и лишь прохладный и порой чересчур резкий ветер напоминал о приближении холодной поры.

Последние месяцы Тара Фарлаг предпочитала не обращаться в русалку, но на берегу проводила немало времени. Надев светлую широкополую шляпу, под которой прятала от солнца лицо, она гуляла по мокрому песку у самой кромки воды, позволяя игривой волне время от времени обнимать босые ступни. Она набирала полную грудь солоноватого воздуха, иногда останавливалась, все-таки поднимала лицо к солнцу, закрывала глаза и прислушивалась к ленивому плеску и усыпляющему шороху морской воды, пытаясь уловить отголоски песни океана, которую слышала, становясь русалкой. Но человеческому уху та песня была недоступна, и она скучала по ней каждый день, каждую минуту своей жизни.

Однако рисковать ребенком Тара не хотела. Она до сих пор до конца не понимала, что происходит с ее телом во время превращения. Куда деваются ноги и откуда берется покрытый крупной, ярко-зеленой чешуей хвост. Почему осты-

вает кровь и почти перестает биться сердце, как ей удастся не дышать часами. Объяснить никто не мог, ведь других русалок в этом мире не существовало, а знания магов о ее виде были исчезающе малы.

Поэтому в тот день, когда Тара узнала о своей беременности, она сняла браслет, помогавший ей превращаться, и убрала подальше, чтобы не испытывать соблазна. На всякий случай. Прожила же она как-то первые двадцать лет исключительно в человеческом обличи! Проживет и девять месяцев беременности. Тем более что оставалось уже меньше половины. Конечно, к тому моменту, как она родит, наступит зима и море станет совсем холодным, но Тара еще в прошлом году выяснила, что в обличии русалки для нее комфортна любая температура.

– Тара!

Муж, как всегда, окликнул ее с приличного расстояния. Тара улыбнулась сама себе, услышав его голос, но не обернулась. Найту пришлось окликнуть снова.

– Я прекрасно знаю, что ты меня слышишь. Подойди ко мне. *Пожалуйста.*

Он сделал ударение на последнем слове, и тогда Тара все же обернулась, озорно улыбаясь ему. Найт стоял в самом начале пляжа, ближе к большому трехэтажному белому особняку, в котором они жили, чем к морю. Он позволил себе зайти на песок, бросив где-то ботинки и подвернув штанины светлых брюк, чтобы не испачкать их, но к воде никогда не

приближался.

– Почему бы тебе не подойти ко мне? – громко предложила Тара, продолжая улыбаться.

– Тара!

В его голосе слышалось осуждение, смешанное с раздражением и неловкостью. Он засунул руки в карманы брюк и склонил голову набок, демонстрируя нетерпение.

Тара рассмеялась. Она ничего не могла с собой поделать: ее ужасно забавлял тот факт, что муж боится воды и старается контактировать с ней только в виде душа. И угораздило же его жениться при этом на русалке...

Она вздохнула и пошла к нему, мысленно прощаясь с морем до вечера.

Недовольное выражение на лице Найта сменялось улыбкой с каждым ее шагом. Они были женаты уже больше года, и еще чуть дольше Тара не «пела» ему свою русалочью песню, которой снимала головную боль, когда Найта мучило проклятие. Первые несколько месяцев она вглядывалась в его лицо с тревогой, боясь однажды увидеть, что муж охладил к ней. Но то ли он действительно влюбился в нее по-настоящему, то ли русалочий приворот срабатывал раз и навсегда, только Найт Фарлаг смотрел на жену все с тем же обожанием, что и в тот вечер, когда делал ей предложение.

– Что такого срочного случилось? – поинтересовалась Тара, оказавшись рядом и быстро поцеловав его в небритую щеку.

– У нас гость, – лаконично сообщил Найт, беря ее за руку и направляясь обратно к дому. – Хочет видеть нас обоих и уже ждет в гостиной.

Тара только удивленно приподняла брови и ускорила шаг. Гости у них бывали не так уж часто, поскольку ни она, ни Найт не имели широкого круга друзей, любящих свалиться на голову без приглашения. Сами приглашали тоже не очень-то часто, поскольку пока в основном предпочитали общество друг друга.

Однако этого гостя Тара всегда была рада видеть.

– Профессор Норман! – воскликнула она еще с порога просторной светлой гостиной, в которой их дожидался ее бывший преподаватель.

Тот стоял у камина, который из-за достаточно теплой погоды пока не разжигали, и рассматривал небольшие портреты в рамках. Когда Тара окликнула его, как раз держал в руках портрет ее «матерей»: русалки, которая ее родила, и женщины, которая ее вырастила. Их обеих уже не было в живых, поэтому портрет был Таре особенно дорог.

Норман поставил его обратно на каминную полку и шагнул навстречу хозяевам. Его лицо, как всегда, почти не выражало эмоций, но глаза улыбались. Тара протянула руку для приветствия, и он почтительно склонился, целуя тыльную сторону ладони, чем очень смутил молодую хозяйку. Когда Норман выпрямился и выпустил ее руку, она странно махнула ею, будто прогоняя непрошеную мысль, а потом сдела-

ла еще один шаг к гостю, чуть приподнялась на носочках и быстро поцеловала в щеку, заставляя его губы все же дрогнуть в улыбке.

– Я очень рада снова видеть вас, профессор Норман, – с чувством сказала она.

И это было абсолютной правдой. Именно благодаря ему и его жене Тара познакомилась со своим будущим мужем. Тогда она обратилась к Норманам с просьбой о довольно серьезном одолжении. Они не дружили, Тара всего лишь была студенткой Нормана. Никаких оснований помогать ей у них не было, но они все-таки это сделали. За что Тара была благодарна и считала себя обязанной до конца жизни.

– Я тоже рад видеть вас в добром здравии, госпожа Фарлаг, – мягко ответил Норман. У него были свои причины испытывать нежные чувства к Таре, и в них, конечно, не было ничего романтического.

– Мне кажется, вы уже называли меня Тарой. – Она нахмурилась.

– Мне кажется, я уже предлагал вам тоже называть меня по имени, – в тон ей парировал он. – Но вы упрямо держитесь за обращение «профессор Норман».

– Может быть, она просто ждет момента, когда сможет называть вас настоящим именем? – поддел его Найт, подходя ближе и обнимая Тару за плечи.

Норман выразительно приподнял бровь.

– Я все еще считаю, что мое возвращение к прежнему

имени никому не пойдет на пользу.

– А зря. – Найт криво улыбнулся и сделал приглашающий жест в сторону кресла. – Старая аристократия была бы в восторге. И несомненно вас поддержала бы. Хотите что-нибудь выпить? Виски, коньяк?

Норман опустил в предложенное кресло, бросив мимо-летний взгляд на большие часы, висевшие на стене.

– Я думаю, в это время дня наиболее уместен будет чай, – заметил он.

Найт тоже посмотрел на часы, усаживая жену на диван, стоявший напротив кресел, и согласно кивнул. Он жил по собственному графику, порой засиживаясь в лаборатории до глубокой ночи, порой наоборот ложась и вставая очень рано. В отсутствии привязки к какому-либо рабочему расписанию были и свои прелести, и свои сложности. Одной из сложностей было размытое восприятие дня.

Он отдал соответствующие распоряжения и присоединился к жене на диване. И хотя Норман не поддержал разговор на тему своего возвращения к прежней личности, Найт все равно повторил, уже более убедительно:

– Я серьезно, Ян. Все и так уже догадываются, кто вы. Стоит вам снять иллюзию и официально заявить о себе, республика снова станет монархией. Среди старой аристократии достаточно влиятельных семей. Половина из них управляет этим миром так или иначе.

– И чем же вам тогда республика не угодила? – нахмурил-

ся Норман. Учитывая, что пять веков назад именно он – под своим прежним именем – создал первую республику, у него не было желания устраивать государственный переворот и возвращать себе престол, от которого в свое время добровольно отказался.

– Я ничего не имею против республики, – равнодушно пожал плечами Найт. – Мне просто кажется, что при монархии было больше порядка.

– Осторожнее с такими высказываниями. – Норман снова едва заметно улыбнулся. – Вас могут принять за монархиста.

– Каждый бывший аристократ в душе монархист, – хмыкнул Найт. – Но вы правы, в нашей современной реальности это очень опасные речи. Что вас привело к нам?

Норман мгновенно посерьезнел – то есть его невыразительное лицо стало более сосредоточенным. На столике между диваном и креслами появился большой поднос с чайником, чашками и тарелкой с круглым, тонким печеньем. Тара сделала движение, словно собиралась встать, но муж ее остановил. Он сам налил чай сначала ей, потом их гостю и наконец себе.

– Мне нужна ваша консультация, Найт, – ответил Норман, поднося чашку к губам. – По снадобьям. Вы лучший из известных мне экспертов в этой области.

– Начало интригующее. – Найт с любопытством подался вперед. – Что именно вас интересует?

Норман пару секунд хмуро разглядывал свою чашку, как

будто собираясь с мыслями, а потом объяснил:

– Таня видит странные сны. Точнее, это один и тот же сон, который снится ей время от времени уже два месяца подряд. Похоже на предвидение, но очень уж настойчиво и пугающе.

– И что именно ей снится? – напряженно уточнила Тара, которой мгновенно стало не по себе не столько от слов Нормана, сколько от его тона.

– Она видит несчастье в Академии Легиона, где учится ее подруга. Гибель десятков, если не сотен, легионеров и курсантов. Каких-то чудовищ, которые, вероятно, стали причиной этого. Знак Темного Ковена, выжженный на полу. И еще она видит меня.

Он замолчал, а Тара и Найт переглянулись.

– В этом ее сне вы тоже погибаете? – осторожно уточнил Найт.

Норман пожал плечами.

– Сложно сказать. Она мне этого не говорит. Она вообще всегда замолкает, когда рассказ доходит до конца сновидения, ссылается на то, что не помнит дальше. Говорит, что дальше просыпается.

– Я даже не знаю, чем могу помочь, – признался Найт. – Едва ли вам нужно снадобье, чтобы заглушить эти сны.

– Нет, я хотел узнать у вас, существует ли снадобье, аналогичное заклятию наведенного сновидения, – Норман посмотрел на Найта, и тому показалось, что в его глазах промелькнула тень надежды. – Заклятие наведенного сновиде-

ния – темное, оно всегда оставляет след. И этот след я обнаружить не могу. Я знаю, что многие заклятия и проклятия, в том числе темные, можно заменить снадобьем. Мне нужно выяснить, существует ли такое для наведенных сновидений, как оно может выглядеть, куда его могут добавлять и как его распознать.

Норман снова замолчал, давая понять, что ждет ответа.

Найт поставил чашку с недопитым чаем на столик и откинулся на спинку дивана, задумчиво нахмурившись.

– Знаете, Ян, теоретически абсолютно любое заклятие и любое проклятие может быть заменено снадобьем. Теоретически, потому что не для всего Мастера нашли формулы и рецепты. Я могу изучить этот вопрос, даже попробовать создать такое снадобье, если общеизвестного рецепта не существует. Просто чтобы понять, какой уровень мастерства потребовался бы. Но я ничего не могу обещать.

– Я буду благодарен, если вы хотя бы попробуете выяснить, – заверил Норман. – У вас все равно больше шансов разобраться с этим, чем у меня. Должен признаться, я никогда не был силен в снадобьях.

– У вас другой конек, – улыбнулся Найт. – Я сделаю, что смогу.

– Благодарю.

Норман перевел взгляд на Тару, которая все это время сосредоточенно хмурилась, но молчала. Она пока не понимала, почему Норман хотел поговорить с ними обоими. Снадобья

были и ее страстью, но пока она далека от звания Мастера. И до уровня знаний и умений Найта ей тоже далеко.

Тем не менее Таре очень хотелось что-нибудь сделать для Нормана и Тани, чтобы хоть немного рассчитаться за проявленные когда-то доброту и участие.

– А чем я могу вам помочь? – спросила она, когда взгляд гостя остановился на ней.

– Поговорите с Таней. Как я уже сказал, она не рассказывает мне концовку своего сна. Говорит, что не помнит, но, к счастью, моя жена пока так и не научилась убедительно врать. По крайней мере, мне. То, чем сон заканчивается, пугает ее даже больше, чем массовое убийство и неизвестные монстры. Я хотел бы знать, что это. Мне нужно это знать, чтобы разобраться в ситуации.

Тара неловко закусила губу.

– Вы думаете, она расскажет мне? Если даже вам не рассказывает...

– Некоторые вещи женщины охотнее рассказывают подругам, нежели мужьям, – убежденно перебил Норман. – Полагаю, концовка сна как-то связана со мной, поэтому она молчит. Отсюда напрашивается вывод, что либо что-то страшное происходит и со мной тоже, либо... – На несколько секунд он снова замолчал, словно боясь произнести вторую альтернативу, но потом все-таки твердо закончил: – Либо что-то страшное делаю я сам.

Найт и Тара снова переглянулись, еще более встревожен-

но. Найт выпрямился, внимательно разглядывая лицо Нормана, хотя прочитав что-то на нем было совершенно невозможно.

– А у вас есть основания предполагать, что вы можете совершить нечто страшное?

Норман едва заметно склонил голову набок.

– Если это наведенное сновидение и Таню пытаются заставить бояться, то возможны любые варианты. Даже не знаю, что для нее страшнее: потерять меня или перестать доверять мне.

– Я вас поняла, профессор Норман, – заверила Тара. – Я поговорю с ней и попытаюсь все узнать.

Его губы снова тронула едва заметная улыбка.

– Спасибо вам.

Глава 7

– Что это?

Профессор Рэм Крафт с сомнением посмотрел на фигурку на столе Хильды. Все практическое занятие они потратили на изготовление артефакта с вполне конкретной функцией, поэтому его вопрос заставил других курсантов тоже обратить взгляды на Хильду.

– Подслушивающий артефакт, – невозмутимо заявила та.

Профессор демонстративно поморщился, но она не дрогнула, а только смахнула невидимую пылинку с маленькой фигурки обезьянки, закрывающей уши.

– Знаете, курсантка Сатин, я посвятил не менее четверти часа на прошлой лекции рассказу о том, какую форму обычно придают этому артефакту. Где вы были в тот момент?

В аудитории послышались тихие смешки. Профессор Крафт бросил в сторону источника шума недовольный взгляд, но это ничего не изменило. Исторически так сложилось, что курсанты Академии не испытывали особого трепета перед преподавателями, которые не служили в Легионе. Профессор Крафт какое-то время сотрудничал с Легионом в качестве артефактора, но на службе никогда не состоял. Он выглядел несколько старше ректора Шадэ, хотя и был его ровесником: плохая осанка и заметное брюшко делали свое дело. Оттопыренные уши постоянно вызывали улыбку у кур-

сантов, в том числе и у Хильды, поэтому она старалась не смотреть на профессора во время разговора.

– Я вас внимательно слушала, – заверила она, разглядывая обезьянку. – И слышала, что артефакты стараются делать незаметными, как слышала и то, что полностью скрыть магический след все равно не получается, как ни старайся. А значит, если человек подозревает, что его могут прослушивать, то он может целенаправленно искать такой след. И тогда артефакт может быть хоть брошкой, хоть пуговицей, но его обнаружат. Какой вывод из этого напрашивается? Нет смысла прятать артефакт, нужно прятать магический след.

– И каким образом ваша мартышка его прячет? – Крафт скрестил руки на груди и нахмурился. На его лице больше не было недовольства. Его сменило любопытство.

– Она делает вид, что она артефакт против прослушивания, – гордо заявила Хильда. – На это намекает, во-первых, ее поза, а во-вторых... Проверьте магический след, господин профессор.

Крафт исполнил ее просьбу, и секунду спустя его брови удивленно поползли вверх, а он сам посмотрел на Хильду с детским восторгом.

– Как интересно. Вы соединили два артефакта в одном, и один магический след маскирует другой.

– Да, остается только убедить нужное лицо, что этот артефакт поможет ему защититься от магической прослушки. И он действительно поможет, от любой другой. Вот только

сам будет слушать и запоминать все, что происходит в его присутствии. Достаточно его потом выкрасть.

– Оригинальная идея, – похвалил профессор. – Схема использования сложновата, не для всех случаев подойдет, но, я полагаю, применение такому артефакту найдется. Получаете высший балл, курсантка Сатин. За оригинальность. Странно, что вы хотите быть боевиком: в боевом отряде фантазия и нестандартный подход не очень-то приветствуются. Это скорее подошло бы следователю.

Он пошел проверять следующую работу, а Хильда огорченно покачала головой. Порой ей казалось, что каждый преподаватель Академии считает своим долгом намекнуть ей на необходимость пересмотреть решение насчет боевого отряда.

На это она и пожаловалась Валери после занятия, когда они засели в небольшом кафе, работавшем на первом этаже общежития их факультета. От столовой оно отличалось тем, что в нем можно было перекусить в любое время суток, в том числе менее здоровой пищей. Даже ночью курсанты, жившие в общежитии, имели возможность воспользоваться кафе в режиме полного самообслуживания.

– Сама-то ты почему так рвешься в боевики? – поинтересовалась Валери, макая шоколадное печенье в молочный чай. – Я бы туда под страхом смерти не пошла. Это же очень тяжело. И страшно. И грязно. И вообще... опасно.

Им удалось занять любимое место: два уютных глубоких

кресла у окна за маленьким круглым столиком. Кресла были продавленные и потертые, но из окна открывался прекрасный вид на внутренний двор Академии. Подобно такому же в Орте, он напоминал городской парк. Еще прошлой осенью Хильда оценила, как здорово сидеть в этом кресле, пить заваренный горячим молоком чай с пряностями и смотреть на опадающую с деревьев красно-желтую листву.

Услышав вопрос подруги, она оторвалась от созерцания двора и перевела взгляд на Валери. Та как раз изображала на лице ужас, но это выглядело так комично, что Хильда против воли улыбнулась.

– Я с детства думала именно о боевом отряде, – со вздохом призналась она. – Мой отец служил боевиком, а мне всегда хотелось быть похожей на него.

И отец тоже всегда хотел, чтобы она была похожа на него, но об этом Хильда говорить не стала. Она с детства знала, как он хотел мальчика. Сына. Того, кто однажды сможет воплотить все то, о чем он сам мечтал в юности и чему помешало его решение ввязаться в чужие игры. Но мальчик у ее родителей так и не родился. Им пришлось ограничиться только дочерью.

– Я могу это понять, мы все так или иначе гордимся предками. – Голос Валери вывел ее из задумчивости, прогнав воспоминания, которые до сих пор тяжелым грузом лежали на сердце. – Они для нас пример, но, Хил... – в ее тоне появилось сочувствие, которое раздражало Хильду почти так

же сильно, как и сокращение имени до первых трех букв. — Он все-таки мужчина. И как бы меня ни бесило, когда парни пытаются указывать, где наше место, объективно они правы. Тебе будет там очень тяжело, чтобы не сказать — невыносимо.

Хильда насупилась и снова отвернулась к окну, прячась за чашкой.

Она и сама все понимала. Знала, что будет непросто. Судьба сделала все, чтобы не облегчать ей задачу, но разве сложность достижения цели — повод от нее отказаться? Тяжело, конечно, стремиться к чему-то, когда никто в тебя не верит, но Хильде это только придавало решимости. К тому же отец в нее верил, и она не могла его подвести.

— Прости, кажется, я тебя огорчила. — Валери досадливо поморщилась, заметив, как напряглась подруга.

— Да нет, все в порядке, — отмахнулась Хильда. — Мы едва ли сможем понять друг друга в этом вопросе. Я тоже не очень понимаю, что заставляет людей стремиться в администраторы. Бумажная работа, скучная до зевоты, бюрократия и весьма скромные возможности для карьерного роста...

Лицо Валери на мгновение помрачнело, щеки предательски заалели, выдавая смущение и, наверное, обиду. Хильде стало неловко. Стоило сдержать гневный порыв, а не пытаться укунить в ответ. Ведь Валери наверняка выражала свои мысли с наилучшими побуждениями.

— Извини, кажется, теперь я огорчила тебя.

– Да ничего. – Валери почти полностью повторила и жест, и тон Хильды, но смотрела в собственную чашку. – Ты права: административная работа в Легионе – это скука смертная. Ни креатива, ни разнообразия. Вся карьера для большинства ограничивается повышением разряда два раза в первые семь лет работы. Единицы выбиваются в начальники. Но зато платят хорошо и стабильно.

Она оторвала взгляд от чашки и посмотрела на подругу. Было видно, что ей неловко признаваться в том, в чем она собиралась признаться.

– Такие вещи ценишь, если ты пятый ребенок в семье, которая и троих детей, по-хорошему, не могла себе позволить. Да, у меня очень скромные запросы в жизни: просто больше никогда не голодать и не носить вещи, трансформированные из одежды старших. Не мне тебя судить с твоими амбициями. Я очень приземлена в своих мечтах.

На смену неловкости к Хильде пришло острое чувство стыда. Ей даже показалось, что теперь краснеет она, хотя это происходило не так уж часто. Она не любила обижать людей, но иногда резкие слова сами собой соскакивали с губ.

– Зато у тебя больше шансов их осуществить и испытать удовлетворение. – Она виновато улыбнулась Валери.

Та улыбнулась в ответ и пожала плечами.

– Вероятно, ты права.

Конфликт можно было считать исчерпанным, и они обе синхронно потянулись за новым печеньем и принялись мол-

чаливо его грызть, уставившись в окно. Хильда скинула ботинки и подтянула одно колено к груди, обняв его рукой. Как говорила ее мама, она никогда не умела долго сидеть по-человечески.

Ранняя осень все еще радовала солнечными деньками, а от буйства красок во внутреннем дворе натурально захватывало дух, но сдавленный вздох, вырвавшийся у Валери, был вызван не красотами увядающей природы, а появлением перед окном Ларса Фарлага.

Конечно, он не стоял прямо у окна, а шел по дорожке, параллельно зданию общежития, но остановился как раз напротив девушек. Нетерпеливо посмотрел на часы и оглянулся. У Хильды снова возникло зудящее чувство под кожей. Что он здесь делает? У судебников свое общежитие, на другой стороне парка.

Ответ на мысленный вопрос она получила довольно быстро: к Ларсу подошел Петр Кросс. Они обменялись короткими фразами, после чего Ларс протянул Петру какой-то сверток. Тот тут же засунул его в сумку, и они разошлись: Ларс – назад по дорожке, а Петр – в общежитие.

Хильда с трудом подавила желание перехватить парня и выяснить, что ему дал Фарлаг. Пришлось напомнить себе, что она не имеет права бросаться с допросами на однокурсников.

К тому же Валери совсем загрустила.

– Может, тебе все-таки рискнуть и попробовать сделать

первый шаг? – в который раз осторожно предложила Хильда. – Скоро праздник, будет бал. Пригласи его на танец.

– Я не настолько хорошо танцую, чтобы сразу вскружить голову богатому наследнику, – фыркнула Валери.

– Вообще-то я надеялась, что посмотрев на него вблизи и пообщавшись во время танца, ты сама разочаруешься в нем.

– Едва ли, – Валери покачала головой. – И все равно этого не будет. У меня нет платья. Поэтому на бал я пойду в форме. А ты знаешь, что это значит.

Тут и знать было нечего. Курсанты, учившиеся на факультете охраны правопорядка, были обязаны приходить на официальные мероприятия в парадной форме, а курсантки имели привилегию: они могли выбрать парадную форму или бальное платье. Чаще всего предпочтение отдавалось платью, поскольку танцующая пара, в которой оба партнера носили форму, выглядела очень странно. Так что форма для девушки становилась гарантией того, что весь вечер она будет печально бродить среди гостей и только смотреть на танцующих.

– Возьми мое, – не задумываясь, предложила Хильда. – Мама прислала мне довольно милое платье, но я-то все равно собиралась пойти в форме. Будет жаль, если оно совсем пропадет. Пусть хоть тебе пригодится.

– Перестань, мне не нужны такие жертвы. – Валери старалась, чтобы ее голос прозвучал уверенно, но ничего не вышло: Хильда видела, что ей очень хочется согласиться. Балы

в Академии Легиона были редкостью.

– О каких жертвах речь? – возмутилась Хильда. Достаточно убедительно. – Это ведь вечер в честь Академии Легиона. Надеть форму кажется мне правильным. К тому же в прошлом году я уже наслушалась во время танцев размышлений о том, что женщины в Легионе с одной стороны хотят равенства, а с другой – привилегий вроде разрешения носить платье. Больше я слушать эту чушь не хочу. Но ты-то претендуешь как раз на вполне женскую должность, тебе ничего не скажут.

На лице Валери отражалась внутренняя борьба, которая закончилась довольно стремительно.

– Спасибо, Хил, – с чувством произнесла она. – Никогда этого не забуду. Буду твоей должницей.

– Для начала, перестань называть меня «Хил», – чуть поморщившись, попросила Хильда. – И я даю тебе платье на одном условии: ты пригласишь Фарлага на танец. Ты же слышала тогда утром? Он сам сказал, что любит дерзких.

Валери тревожно закусила губу и после небольшой паузы решительно кивнула.

– Хорошо, тогда я постараюсь стать дерзкой.

Глава 8

В субботу Хильда едва успела позавтракать и с головой погрузиться в написание реферата, с которым хотела разделиться до тренировки, когда фея принесла ей записку от Мора.

«Жду вас у портала ровно в полдень. Если опоздаете, пеняйте на себя».

Ни слова о рейде, в который она напросилась, в записке не было, но Хильда сразу поняла, что речь идет о нем. Хотя со дня ее разговора сначала с ректором, а потом с Таней, прошло уже больше десяти дней, и она успела почти потерять надежду на то, что рейд все-таки состоится. В какой-то момент она заподозрила, что Мор теперь вообще ни одной группы с боевиками не отправит, лишь бы ее не пускать.

Но сейчас Хильда не сомневалась, что зовут ее именно для этого. Иначе с чего бы куратор так формулировал приглашение, присланное в без пяти минут полдень? Мор надеялся, что она опоздает.

Еще никогда Хильда так быстро не облачалась в форму, наплевав на брошенный на полуслове реферат, немытую голову и полное отсутствие косметики на лице. В конце концов, она не на свидание шла. Зато собралась секунд за тридцать, а еще через четыре минуты уже подбегала к portalу, едва дыша. Волосы в неаккуратный, но тугий хвост она со-

брала по пути, расчесав их пальцами.

Портал уже был открыт, по эту сторону оставались только сам Мор и Лука, которого Хильда никак не ожидала тут увидеть.

По лицу куратора скользнуло едва заметное недовольство, но он ничего не сказал. Лишь молча кивнул на портал, когда Лука прошел через него. Хильда не заставила просить себя дважды.

Выйдя на другой стороне, она все еще немного задыхалась от быстрого бега, чувствуя, как вспотела под курсантской формой. Воздух в той части Республики, где они оказались, был значительно прохладнее, поэтому ей тут же стало зябко. Она, конечно, не подала вида. Только с любопытством оглянулась по сторонам, пытаясь определить, где они находятся.

Это был один из тех небольших городков Республики, которые так напоминали Хильде исторические центры некоторых европейских городов. Невысокие, преимущественно одно- и двухэтажные домики с серыми стенами и кирпичного цвета крышами, булыжник под ногами, узкие улочки, освещенные редкими шарами, невзирая на ранний час.

Город казался унылым, но, вероятно, из-за скверной погоды: низкие тучи грозили в любой момент пролиться дождем, а жидкий туман делал воздух мутным и сырым и ограничивал видимость. Хильда не сразу поняла, что световые шары работали днем именно из-за полного отсутствия солнца.

– О, надо же, у нас сегодня прямо праздник какой-то: сразу две красавицы в группе, – насмешливо, но не обидно прокомментировал ее появление молодой высокий парень в форме legionera.

Хильда обернулась к сокурсникам: помимо нее на практику взяли еще и Агнессу. Из парней, кроме Луки, здесь были Виктор и Карел. Присутствие первого ее, конечно, не обрадовало, и Виктор отвечал ей полной взаимностью. Хильда машинально отметила про себя, что они оказались здесь почти той же группой, какой участвовали в недавней провальной симуляции.

– Нутром чую, опять мы останемся без баллов, – проворчал Виктор. – Опять девчонок в группу набрали.

– Не беспокойтесь, господин Ланг, – Мор услышал его замечание и поторопился осадить, – баллы на этом задании будете зарабатывать индивидуально. Так что в случае провала винить будет некого. Кроме себя.

Виктору явно было что ответить, но он героически промолчал, а Хильда снова огляделась.

– Где мы?

Как ни старалась, она не узнавала городок. Таких в Республике были сотни, а может, и тысячи. Они вышли через портал, находившийся на довольно просторной площади, но сейчас здесь никто не торговал и не гулял. Только пронизывающий ветер гнал по булыжнику мелкий бумажный мусор. Прилегающие улицы тоже выглядели пустыми.

– Кажется, кто-то пропустил инструктаж, – хмыкнул другой легионер. Этот выглядел постарше Мора, был невысоким ростом, но довольно широк в плечах. Он казался крепким и еще молодым, но виски уже заметно серебрились.

Хильда промолчала, решив не уточнять, что кое-кто вызвал ее слишком поздно: шанса не пропустить инструктаж ей не дали.

– Это Крам, – сообщил третий легионер, который выглядел слишком худощавым для боевого отряда.

Одно только название города сразу все объяснило Хильде. Крам был последним жилым городом перед Пустошью. Ближе к мертвой зоне находилась разве что пара деревень, в которых жили или очень уж отчаянные люди, или те, кто нарочно селился поближе к Пустоши.

Темная энергия, когда-то разлившаяся в этом месте, создавала серьезные помехи для следящих чар, которыми Легион опутал всю Республику. На границе с Пустошью темный поток вполне возможно было использовать незаметно, если держаться в разумных пределах. Поэтому те, кто выбирал для себя путь темной стороны, но не хотел на каждое действие вымаливать разрешение, селились здесь.

– Мы идем в Пустошь? – с замирающим сердцем уточнила Хильда, запоздало подумав о том, что не взяла холодное оружие. И снова вспомнила недавнюю симуляцию. От этого воспоминания по спине пробежали мурашки.

Она против воли бросила взгляд на Мора, и поняла, что

тот внимательно следит за ней. От мысли о том, что он мог заметить ее страх, Хильде стало не по себе.

– Какая боевая у тебя курсантка, Дилан, – снова хмыкнул невысокий широкоплечий легионер. – В Пустошь рвется.

– Она и к демонам сунется без колебаний, – тихо отозвался Мор. – Но вынужден разочаровать вас, Сатин, сегодня мы не пересечем границу зоны. Хотя подберемся довольно близко.

– Ладно, я все равно обязан провести еще один инструктаж, уже от имени Легиона, – снова перехватил инициативу плечистый. – Меня зовут Доминик Фрай, я старший группы. Сегодня с вами идут Томас Строу, – он кивнул на высокого легионера, который так обрадовался появлению Хильды, – Олег Роан, – такой же короткий кивок в сторону худощавого легионера, – и Дарен Хэд.

Последний названный легионер до сих пор не проронил ни слова и сейчас тоже только приветственно махнул рукой.

– Все – боевики с трехлетним стажем, – добавил Фрай. – Тем не менее задание у нас сегодня плевенькое, как раз для желторотиков вроде вас. Один некромант свил себе гнездышко в пограничной зоне, но, как это часто бывает, не учел воздействие Пустоши и не справился с темным потоком. Произошел неконтролируемый выброс, достаточно мощный, чтобы мы его зафиксировали. Сам некромант, по мнению аналитиков, уже присоединился к Общему потоку, поэтому он не наша забота. Беда в том, что территория те-

перь загажена его умертвиями. Надо зачистить всех, пока не расползлись и не добрались до деревень и Крама. А то, неровен час, набедокурят. Полагаю, заклатья обнаружения, упокоения и очищающего огня все знают?

Курсанты недоверчиво переглянулись и нестройно кивнули. Пока задача казалась довольно простой. Подобные симуляции были у них еще на первом курсе, потому что зачистки потерявших хозяина умертвий в районе границы с Пустошью были рутинной работой боевиков.

– За каждое упокоенное умертвие вы получите пять баллов в личный зачет, – добавил Мор, обводя курсантов строгим взглядом. – За каждую попытку умереть в объятиях умертвия с вас будет списано аналогичное количество баллов. Каждый из вас пойдет с одним из легионеров, – он кивнул на боевой отряд. – Они будут за вами приглядывать и вести учет. Если им пришлось вмешаться, значит, вы не справились. В этом случае баллы будут списаны. Виктор, вы пойдете со старшим группы. Агнесса, вы идете со Строу. Лука, вы в паре с Роаном. Карел, вы с Хэдом. Сатин пойдет со мной.

Хильда только выразительно приподняла бровь, но спорить не стала. Для нее не имело особого значения, с кем в паре работать, важно было отработать хорошо. Ее лишь удивило, что только ее из курсантов куратор называл по фамилии. Похоже, он все еще злился на нее.

– Дилан, а может, по старой дружбе, махнемся? – со смеш-

ком предложил Фрай, с сомнением посмотрев сначала на Виктора, а потом переведя взгляд на Хильду. – Красотка пойдет со мной, а себе бери угрюмого громилу.

Мор бросил на него мрачный взгляд, Фрай притворно вздохнул и обреченно махнул рукой.

Тем временем Роан извлек из мешочка, висевшего у него на поясе, небольшой Шар Аргора и с его помощью открыл ручной портал, чтобы группе не пришлось пешком добираться до места «зачистки».

Теперь они оказались в сердце самого настоящего болота. Здесь было еще холоднее, чем в Краме, пахло тиной и гнилью. Водяная пыль, висевшая в воздухе, сгущалась в куда более плотный туман, чем тот, что окружал их в городе. Хватило бы расстояния в десять шагов, чтобы потеряться.

– Видимость ни к черту, так что следите за охранными амулетами, – велел Фрай.

После этого напутствия он определил направления, в которых следовало разойтись, и большая группа распалась на заранее озвученные пары.

Мор жестом дал Хильде понять, что предоставляет ей полную свободу действий. Как и в кабинете ректора Нормана, он собирался быть только наблюдателем. Оставалось надеяться, что он вмешается, если она попытается «умереть в объятиях умертвия».

Неожиданно для самой себя Хильда почувствовала дрожь, когда осознала, что находится не в зале иллюзий, а

в настоящем болоте с настоящими умертвиями. На симуляциях она рисковала потерять только баллы. Здесь же цена ошибки возрастала многократно. Немного успокаивало молчаливое присутствие Мора. Злится он на нее или нет, погибнуть точно не даст. Скорее всего, не даст даже сильно пострадать.

Стараясь немного успокоиться и расслабиться, Хильда вытащила из-под одежды амулет из лунного камня, чтобы он висел поверх кителя. Так она сразу увидит, если молочно-белый камень нальется красным цветом, означающим опасность. После этого она применила стандартное поисковое заклятие для обнаружения умертвий.

Ее сразу как магнитом потянуло в определенную сторону. Хильда подняла левую руку, чтобы в любой момент выставить щит, и двинулась в том направлении, куда подталкивала магия. Магический поток она при этом не отпускала, чтобы не пришлось тратить время на его призыв.

Охранный амулет молчал, но она все равно каждый шаг делала с максимальной осторожностью, прислушиваясь и присматриваясь ко всему, что происходит вокруг. Впереди в тумане периодически возникали пугающие тени, которые при ближайшем рассмотрении оказывались одинокими деревьями или кустарниками. Тихие шаги Мора за спиной одновременно успокаивали и нервировали: Хильду постоянно тянуло оглянуться и по его реакции попытаться понять, правильно ли она делает.

Первое умертвие повстречалось ей минут через пять медленного продвижения сквозь туман. Лунный камень окрасился сначала в бледно-розовый, потом – в кроваво-красный. И почти сразу Хильда услышала странный звук, похожий на помесь треска с клеточным. От этого звука кровь стыла в жилах, хотя ничего такого на первый взгляд в нем не было.

Еще не видя опасности, Хильда выставила перед собой щит и принялась медленно крутиться вокруг собственной оси, поскольку не знала, откуда будет нападение.

Нападения так и не произошло. Из тумана на нее выплыла женская фигура. По крайней мере, Хильда решила, что когда-то *это* было женщиной. Теперь тело было странно переломлено, словно где-то в районе поясницы ему перешибло позвоночник, и оно сложилось пополам назад. Шла фигура тоже задом наперед. Разинутый рот чернел на лице темным провалом, странный kloкочущий треск шел из него.

Хильда никогда раньше не видела настоящее умертвие, а потому на несколько секунд растерялась и замешкалась. Только когда перевернутое лицо женщины оказалось в пугающей близости, она вспомнила, что нужно делать. Последовательность из трех заклятий – Паралич, Упокоение и Огонь – сорвалась с правой руки не менее четко, чем на тренировках. Первое остановило умертвие, второе вышибло из него частичку темного потока, благодаря которой мертвое тело шевелилось, превращаясь в монстра. Огонь был призван разрушить оболочку и высвободить остатки темной энергии.

Однако во время тренировок искусственные мишени, объятые магическим пламенем, так не верещали. Хильде стало не по себе от этого крика. Появилось ощущение, словно кто-то засунул ей в живот кулак, сжал внутренности и провернул их.

Не давая ей слишком увлечься переживаниями за судьбу неживой жертвы, из тумана выскочило еще одно умертвие. Оно двигалось гораздо быстрее. Стремительно. Напало сбоку и немного из-за спины. Прежде, чем Хильда успела отбросить его щитом, оно вцепилось зубами ей в плечо. Хильда тихо взывала от боли, но зубы, к счастью, не прокусили плотную ткань кителя. Зато боль избавила ее от лишних сомнений и сочувствия: второе умертвие постигла та же участь, что и первое.

К появлению третьего Хильда была готова уже лучше и довольно быстро расправилась и с ним, после чего снова замерла в боевой позиции, прислушиваясь к окружающей тишине.

Лежавший поверх кителя лунный камень снова стал молочно-белым, но Хильда не торопилась расслабляться. Плечо жгло огнем, и чутье – или обычная паранойя? – нашептывало на ухо, что опасность еще не миновала. Ей потребовалось почти полминуты, чтобы понять, в чем дело.

Мора нигде не было. Рядом с догорающими останками, окутанная плотным туманом, Хильда стояла совершенно одна.

Успокоившееся ненадолго сердце вновь забилося как сумасшедшее, а невидимый кулак сжал внутренности. Куда мог деться куратор? Когда он исчез?

– Куратор Мор! – позвала она заметно охрипшим голосом, но никто не отозвался. – Господин куратор! Мор!

Тишина. Оглушающая тишина, почти такая же, как на симуляции. Холодный туман пробирался под одежду, а паника проникала в душу. Сердце билось уже так, что становилось больно, в горле встал ком, который Хильда с трудом проглотила. Она замерла, обратившись в слух, теперь поворачивая только голову.

Где же он?

Наконец она услышала шаги. Тяжелые, шаркающие, они приближались к Хильде, но охранный амулет не показывал опасности. И тем не менее она знала, что приближается к ней не Дилан Мор. Об этом свидетельствовало приглушенное рычание.

Фигура, выплывшая на Хильду из тумана, на мгновение лишила ее возможности двигаться: вмиг похолодевшие ноги словно приросли к земле. Она сразу поняла, что это не мертвое. Как минимум – не обычное. Сохранившийся глаз смотрел вполне осмысленно, а темная пелена, окружавшая медленно приближающегося мужчину, подозрительно походила на щит, подпитанный темным потоком. Но и живым в полном смысле этого слова незнакомец быть не мог: с половины его головы слезла кожа, оголив кости черепа. С таки-

ми травмами не выживают. Одна рука висела вдоль туловища, безжизненная и уже заметно почерневшая, обе ноги пока еще функционировали, но одну он заметно подволакивал по земле.

Видимо, аналитики Легиона немного просчитались, когда решили, что некромант погиб. Процентом на пятьдесят. Потому что частично он был еще жив.

Хильда укрепила щит, но это действие вызвало у некроманта лишь кривую ухмылку. И неудивительно: ее подготовки едва ли достаточно, чтобы щит мог справиться с темными боевыми заклятиями. Надежды разойтись миром тоже не было никакой. Даже если некромант после всего, что с ним произошло, сохранил остатки рассудка, он все равно поймет, что где курсантка Академии Легиона, там и legionеры. Убить курсантку куда проще, тогда есть шанс вырваться. Но скорее всего, он уже не мыслил такими категориями.

Где же Мор? Хильда быстро огляделась, надеясь увидеть куратора, но тот как сквозь землю провалился.

Некромант атаковал ее, и времени смотреть по сторонам не стало. Хильда, неуверенная в своем щите, предпочла уклониться. И тут же швырнула в ответ заклятие паралича, но щит некроманта легко отразил его. Теперь ей пришлось уворачиваться еще и от обратки.

Она атаковала снова и снова, просто чтобы заставлять некроманта закрываться щитом и не позволять посылать в нее новые темные заклятия. Это давало немного времени,

но Хильда понимала, что долго так продолжаться не может: светлый поток относительно быстро истощался, ему требовалось время для восстановления, а темный был условно неисчерпаем.

Даже действующий легионер не выстоял бы в одиночку против темного. Что уж говорить о курсантке-второгодке? Конечно, некромант был полумертвым, но Хильде это едва ли могло помочь, а Мора так и не было видно. Могло ли с ним что-то случиться? Хильда не представляла. Как не представляла, почему он мог бросить ее тут на произвол судьбы по доброй воле.

Истощение потока пришло неизбежно и, как показалось Хильде, слишком быстро. Вместе с ним пришел ужас от осознания того, что это конец. Она запоздало поняла, что Мор был прав с самого начала, когда не хотел пускать ее в рейд, но теперь это уже не имело значения.

Хильда начала допускать атаки в свой адрес, от которых уклонялась все с большим трудом, извозилась в болотной грязи, волосы давно растрепались и лезли в лицо. Она тяжело дышала, и каждое движение давалось все с большим и большим трудом. Мысли о бесполезности сопротивления заполнили голову, но она продолжала обреченную на провал битву из чистого упрямства, как тогда на уроке фехтования с Виктором.

И из нежелания умирать.

Но в конце концов, в очередной раз пытаюсь избежать кон-

такта с темным заклятием, она поскользнулась и упала навзничь. Сил быстро вскочить уже не хватило, и Хильда обреченно выставила максимально мощный щит, на какой была сейчас способна. Бесплезное действие, но она не могла позволить себе просто сдаться и смиренно ждать конца.

По губам некроманта скользнула еще одна усмешка: на этот раз торжествующая. Он сформировал неизвестное Хильде заклятие и обрушил на нее. Она малодушно прикрыла глаза, ожидая резкой боли, которой отдавался внутри магический поток, когда щит ломали, но боль не пришла.

В последний момент ее щит что-то укрепило, удар по нему оказался чувствительным, но не фатальным.

Она удивленно открыла глаза и увидела замешательство на лице некроманта, которое мгновенно сменилось гневом, когда он заметил новое действующее лицо.

Куда бы перед их схваткой ни подевался Мор, сейчас он стоял в нескольких шагах. Его щит укрепил щит Хильды, принял большую часть удара на себя и помог ему удержаться. И сейчас Мор не стал медлить, запустив в некроманта сразу несколько боевых заклятий с интервалами не больше секунды. Здесь были и простенькие ударные импульсы, и энергоемкие шары огня, и ледяные стрелы, и еще несколько заклятий, которые Хильда визуальнo не распознала.

Некромант отразил лишь часть из них: один ударный импульс все же пробился через его щит, а ледяная стрела проткнула единственное здоровое плечо. Он взвыл от боли,

но тут же ответил иллюзорными пластинами, острыми как бритвы. Мор отбил четыре из пяти, от последней попытался уклониться, но она все же коснулась его груди и рассекла китель, заставив поморщиться.

Это помогло Хильде прийти в себя, вскочить на ноги и добавить свои заклятия к новой атаке Мора. Сражения на два фронта полумертвый некромант с пробитым плечом долго не выдержал: не прошло и двух минут, как очередное заклятие Мора отправило его в нокаут, после чего куратор связал темного заклятием паралича.

Хильда позволила себе облегченно выдохнуть и согнулась пополам, упираясь руками в колени. Ее все еще трясло от мысли, что несколько минут назад могла распрощаться с жизнью. К тому же физически и магически она была истощена почти полностью. Сильно мутило, к глазам подступили слезы, а губы предательски задрожали, но она только сжала их плотнее.

– Сатин? Вы целы? Хильда?

Она почувствовала прикосновение к плечу и заставила себя выпрямиться. Через несколько секунд вспомнила о том, что стоит почистить магией форму. Мор уже привел китель в порядок, убрав порез. Только сейчас Хильда обратила внимание, что крови на его одежде нет.

– Я в порядке, – заверила она. Собственный голос показался чужим, но, по крайней мере, не дрожал. – А вас не задело?

Мор покачал головой.

– Только ткань, до кожи не достало. Мне повезло.

Хильда кивнула в знак понимания. Тошнота уже улеглась, слезы тоже удалось сдержать. Дрожь все еще ощущалась, но стала совсем другой. Теперь это был уже не страх и не слабость, а возбуждение. Нечто подобное приходило и после удачных симуляций: колоссальное удовлетворение, смешанное с адреналином. Только сейчас ощущалось в разы острее. К возбуждению от схватки примешивалась еще и эйфория от осознания простого факта: она жива и будет жить. Наверное, еще никогда раньше она так не радовалась присутствию Мора. Хотелось повиснуть у него на шее, крепко обнимая, но Хильда прогнала наваждение. Куратор вряд ли обрадуется такому проявлению радости с ее стороны.

И только потом ее снова догнал вопрос, мучивший несколько минут назад. Она сердито нахмурилась и скрестила руки на груди, заодно пытаясь все-таки перестать дрожать.

– Где вы были? Решили сделать перерыв на кофе?

Вопрос прозвучал резче, чем хотелось: голос все еще повиновался плохо. К счастью, Мор не обратил на это внимания. Он только невозмутимо пожал плечами.

– Нет, всего лишь применил маскировку. Прятался в тумане, но был рядом и контролировал ситуацию. Хотел посмотреть, как вы поведете себя, оставшись одна. Испугались?

Хильде показалось, что последний вопрос он задал с надеждой. Острое чувство обиды, накатившее на нее в этот момент, окончательно вытеснило желание обнять его.

– Решили меня проучить, да? – в ее тоне послышалась горечь. – Показать, насколько я не готова к подобным заданиям? Стоило пойти дальше и не вмешиваться. Тогда вы и ректору доказали бы, что он неправ, введя подобные занятия. Думаю, хладный труп курсантки стал бы очень убедительным доводом в вашем споре.

Она заставила себя замолчать, чтобы не ляпнуть еще что-нибудь резкое и необдуманное. Умом Хильда понимала, что несправедлива к куратору, но разум затуманивали эмоции, слишком сильные и яркие, чтобы противиться им. В конце концов, она едва не умерла. И да, ужасно испугалась, только признаваться в этом не хотела. Она и так чувствовала себя неудачницей. Хотела ведь произвести впечатление, чтобы он снова в нее поверил, а вышло с точностью до наоборот.

Хильда почувствовала на себе взгляд и опасливо покосилась на Мора, чтобы проверить, насколько он разозлен ее ответом. Однако куратор, к ее удивлению, казался вполне спокойным.

– Да, я хотел показать вам, как опасны эти рейды. Считается, что боевики берут курсантов только на простые задания, но на самом деле в боевом отряде таких не бывает. Я знаю это, потому что служил в нем. Даже когда кажется, что все предельно ясно и предсказуемо, возможны сюрпри-

зы. Как этот некромант, который должен был быть мертв, но выжил. Никогда нельзя знать наверняка, что рейд будет простым и безопасным. Поэтому я против такой практики. Это не симуляция, тут ничего нельзя контролировать. А вы все рветесь сюда, как будто это игрушки. Уверенные в том, что вас прикроют, если что.

С каждым словом его мнимое спокойствие улетучивалось, голос звучал все громче и резче, заставляя Хильду внутренне сжиматься. Ее сердце снова бешено колотилось в груди, ногти впились в ладони, она из последних сил старалась держать голову прямо, чтобы не выглядеть провинившимся щенком.

А Мор все не унимался:

– Вы можете обвинять меня в предвзятости, шовинизме или сексизме, обижаться на меня или даже ненавидеть. Мне плевать, что вы обо мне думаете. Я здесь не для того, чтобы вам нравиться. Моя задача в том, чтобы вы закончили Академию. Живой и, желательно, невредимой! Если вы переживете при этом еще и первые два года службы, я буду считать, что сделал свою работу хорошо.

Он замолчал, а Хильда вдруг поняла две вещи. Во-первых, за год с небольшим куратор впервые накричал на нее. Отчитывал он ее регулярно, особенно в этом учебном году, но кричать себе никогда не позволял. Ей вообще казалось, что Мор не умеет этого делать. Настолько потерявшим контроль над собой Хильда еще ни разу его не видела. Сейчас

он дышал почти так же тяжело, как и она, и даже всегда идеально лежавшие волосы заметно растрепались.

Во-вторых, отчитывая ее, Мор подошел совсем близко. Настолько, что она разглядела капельки пота, выступившие у него на лбу во время схватки, и прокушенную губу. Или просто треснувшую? Хильда не представляла себе, чтобы такой спокойный и уверенный в себе мужчина, бывший боевик, кусал губы.

Или он настолько нервничал, наблюдая за ее поединками с умертвиями, а потом и с некромантом? Сдерживался, чтобы не вмешаться раньше, но волновался? Этот вариант Хильде неожиданно понравился. Настолько, что обиду на куратора как рукой сняло, зато желание обнять снова стало почти невыносимым. Она не понимала, что с ней происходит.

– Чему вы улыбаетесь? – неожиданно спросил Мор, нахмурившись еще сильнее.

Хильда и не заметила, как губы растянулись в улыбке. Она неловко пожала плечами.

– Вы губу прикусили, – сообщила она, поскольку отвести взгляд от крошечной капельки крови, собравшейся в месте ранки, было выше ее сил. Но совсем не хотелось, чтобы куратор задался вопросом, почему она так смотрит на его губы.

Или чтобы он неверно ее понял.

Судя по выражению лица, ее заявление выбило Мора из колеи.

– Что? – растерянно переспросил он.

Хильда потянулась к его лицу и промокнула каплю крови подушечкой большого пальца. Мор не отстранился, но едва заметно вздрогнул от прикосновения.

Хильда продемонстрировала ему кровь.

– Губа, – повторила она. – Вы прикусили ее. Я сейчас...

И не дожидаясь его возражения, она снова коснулась прокушенного места, направляя магический поток в исцеляющее заклятие. На исцеление такой «травмы» силы ее потока еще хватало.

– Все...

– Спасибо.

– Да не за что. – Она снова пожала плечами. – Вам спасибо, что спасли мне жизнь. Я поняла ваш урок. Он был жестоким, но доходчивым. Вы были правы, а я ошибалась, переоценивая свои силы. Больше я не буду проситься в рейды. Пока вы не решите, что я готова. А если не решите...

– Должен признать, я был не совсем прав, – неожиданно перебил Мор. – Вы справились лучше, чем я ожидал. Даже в поединке с некромантом вели себя очень достойно. Про умертвия я не говорю, с ними вообще придраться не к чему, не считая одной заминки.

– Правда?

Его слова заставили Хильду снова улыбнуться. Он так и не отошел от нее, и от этого вспыхнувший вдруг внутри огонь разгорался все сильнее, делая желание снова прикоснуться к нему почти болезненным. Она по-прежнему не понимала,

что происходит. Мор ей, конечно, нравился, но скорее в общечеловеческом смысле, а не как мужчина.

Он еще несколько секунд смотрел ей в глаза, после чего тоже улыбнулся и наконец сделал шаг назад.

– Зачем бы я стал врать вам, курсантка Сатин? Но я по-прежнему считаю, что вам лучше воздержаться от подобных рейдов. За этот получаете заслуженные десять баллов.

– Почему десять? – возмутилась Хильда. Стоило ему отойти, наваждение отпустило, возвращая способность трезво мыслить и спорить. – Я упокоила три умертвия.

– Но пыталась погибнуть в объятиях четвертого.

– Ничего подобного! Это было не умертвие, а недобитый некромант. О нем в условиях не было речи.

Мор неожиданно рассмеялся.

– Тогда мне стоит засчитать вам все двадцать, – мягко заметил он. – Пятнадцать за умертвия и еще пять за помощь в задержании полумертвого темного мага.

Хильда перевела взгляд на тело, распластанное на земле. Некромант все еще был без сознания, лежал, раскинув руки и ноги, тонкая рубашка и брюки промокли насквозь и перепачкались в грязи. Снова скользнув взглядом по оголенному черепу, Хильда испытала приступ тошноты.

– Что с ним теперь делать?

– Отлевитируем к точке сбора, сдадим отряду. Они доставят его в Легион.

– Что его ждет?

Мор помедлил с ответом, но все же признал:

– Вероятнее всего – упокоение. Он уже не совсем человек, вы же понимаете? Вернуть к жизни в полном смысле слова его нельзя. Остается только подарить покой.

Хильда кивнула, признавая про себя, что это логично и, наверное, правильно. В конце концов, он сам выбрал свой путь. И сам допустил ошибку, которая погубила его.

Но было грустно осознавать, что они забирают некроманта с собой, только чтобы его добили.

– Почему *мы* не можем упокоить его как других умертвий?

– Вы ведь сами сказали: он не совсем умертвие. Отчасти он пока живой человек. У нас нет права убивать эту часть. Это должны сделать те, у кого такое право есть.

– Разве это не глупо? – Она вопросительно посмотрела на Мора. – Лицемерием пахнет, вы не находите?

Он равнодушно пожал плечами, глядя на некроманта без какого-либо сожаления. Хильда не могла не задаться вопросом, действительно ли Мору ни капли не жаль этого человека? Или его равнодушие такое же напускное, как и спокойствие, которое он пытался демонстрировать после битвы?

– Не мне это решать, Сатин. Не мне и не вам. На то есть стандартные...

– Процедуры Легиона, – перебила она, раздраженно закатив глаза. – Знаю.

Мор поджал губы, как показалось, немного обиженно. Он

еще несколько секунд смотрел на некроманта без особых эмоций, а потом снова повернулся к ней.

– Я понимаю, что вам это кажется смешным. Я имею в виду не только вас, а многих курсантов. Но со временем вы поймете, что процедуры Легиона были придуманы не просто так. Это опыт многих поколений...

– И способ сложить с себя ответственность, – снова непочтительно перебила Хильда. – Я понимаю.

Он тяжело вздохнул.

– Пока не понимаете. Но однажды поймете, насколько это важно. Хотя бы и для того, чтобы сложить с себя ответственность. Иначе бремя, которое приходилось бы нести, было бы неподъемным для большинства из нас.

– А вы когда-нибудь нарушали стандартные процедуры Легиона? – поинтересовалась Хильда, глядя на куратора с любопытством, смешанным с надеждой. Не мог он быть таким деревянным! – Не случайно, а сознательно. Потому что чувствовали, что правильнее будет поступить иначе.

Теперь Мор молчал еще дольше, и она уже приняла это как ответ «да». Ей хватило бы, но он все-таки решил рассказать подробнее:

– Последний раз, когда я так поступил, я лишился карьеры в Легионе. Четыре года подготовки, семь лет службы... Все в одно мгновение перестало иметь значение, и мне пришлось начинать с нуля. Имейте это в виду, если собираетесь их нарушать.

Хильда пропустила предупреждение мимо ушей. Не отрывая взгляда от лица Мора, она уточнила:

– Вы жалеете об этом? Будь у вас возможность вернуться назад и снова сделать выбор, вы бы поступили иначе?

Он ответил, почти не задумываясь:

– Нет.

И давая понять, что вопрос закрыт, Мор поднял некроманта с земли заклятием левитации. Настало время возвращаться к точке сбора, но Хильда жестом попросила куратора задержаться. Нечто неожиданное привлекло ее внимание.

Она шагнула к некроманту и отодвинула в сторону край расстегнутой сверху рубашки, оголяя небольшую татуировку на груди. Подкожный зуд на мгновение снова прошёл по ее: это был универсальный символ демонического измерения, заключенный в круг. Точно такой же, как на конверте в кабинете ректора.

– Что это? Это ведь не метка привязки?

Мор тоже подошел ближе и взглянул на татуировку.

– Нет, это знак Темного Ковена. Очевидно, парень был членом общины.

– Темного Ковена? – переспросила Хильда. Ей казалось, что раньше она уже слышала такое словосочетание, но в голове не возникло ни одной внятной ассоциации.

– Своеобразный профсоюз темных магов, – пояснил Мор. – У них своя система наставничества, они помогают друг другу получать разрешения на темные заклятия. И при-

крывают друг друга, когда легионеры пытаются их прихватить на нарушениях. Они представляют собой проблему. Причем проблему похуже монархистов.

– Неужели? – удивилась Хильда. Она искренне считала, что нет ничего хуже монархистов. Хотя бы потому, что однажды едва не стала жертвой задуманного ими теракта.

– Да. Монархисты хотя бы были официальными террористами, они позиционировали себя как преступники, и мы могли бороться с ними. Темный Ковен – организация вполне легальная, но, по сути, созданная для того, чтобы обходить ограничения на использование темной магии. Иногда они сдают Легиону своих членов, чтобы изобразить содействие, но выбирают просто козлов отпущения.

– А у Академии Легиона могут быть с ними какие-то общие дела?

Мор посмотрел так, словно она спросила, организовывают ли в костелах специальные мессы для nudists. Впрочем, он едва ли знал про nudists. И про костелы, если уж на то пошло.

– Никогда нога темного мага не ступала на территорию Академии. Их бы и в здание Легиона не пускали, если бы легионеры их не арестовывали и не выдавали разрешения на использование темной магии.

– Странно. Я видела конверт с этим знаком на столе ректора, – пояснила Хильда причину своего вопроса. – Вот и задумалась, что он мог там делать.

– Возможно, вы ошиблись, – предположил Мор. – Идемте. Нам пора.

Хильда не стала спорить. Она точно знала, что не ошиблась, но задавать вопросы Морю не имело смысла: едва ли он посвящен в дела ректора.

Глава 9

По пути к точке сбора Мор связался с Фраем и рассказал, что они наткнулись на некроманта и захватили его. Наблюдая, как он пишет небольшим карандашом в блокноте размером с ладонь, Хильда в который раз подумала, что магам стоит более подробно изучить устройство смартфонов. Она не сомневалась, что при желании они смогут заставить технику работать на магии. Набирать текст на клавиатуре, пусть и виртуальной, на ее взгляд было удобнее, чем писать от руки. Хотя за последние два года она почти привыкла к этому.

Фрай пришел в восторг, когда узнал про некроманта. Несколько минут спустя они с Виктором тоже вернулись к точке сбора. Виктор казался недовольным, но Хильда, к собственному удивлению, так и не услышала язвительных комментариев в свой адрес. Возможно, его остановило присутствие легионера и куратора курса.

Ненадолго к portalу вернулись и Роан с Лукой. Роан открыл Фраю портал, и тот исчез в нем, забрав обездвиженного некроманта с собой. Мор отправил Виктора с Роаном и Лукой заканчивать зачистку, а сам остался в точке сбора с Хильдой. Та заикнулась о том, что тоже готова продолжить, но куратор посмотрел так, что она тут же замолчала. Ее поток постепенно восстанавливался, но для завершения процесса требовались еда и сон.

Меньше чем через час вернулись все, и Роан вновь открыл ручной портал обратно в Крам. Там их уже ждал Фрай, заявивший, что его группа на сегодня свободна, а потому удачную зачистку стоит отметить. Курсанты покосились на куратора, но тот не имел ничего против.

Хильде очень хотелось вернуться в Академию. Она чувствовала себя уставшей и, несмотря на задержание некроманта, разочарованной собственным результатом. Плечо, в которое вцепилось зубами одно из умертвий, уже не горело огнем, но все еще болезненно ныло. Его, вероятно, стоило показать доктору Вилар. К тому же компания куратора Мора непривычно нервировала. Хильда помнила странные желания, одолевавшие ее после сражения с некромантом, и ей было немного не по себе. Следовало все это обдумать и проанализировать в одиночестве, но не хотелось отбиваться от группы и демонстрировать слабость.

Судя по тому, что никто не обсуждал, куда идти, у легионеров имелось излюбленное место, в котором они собирались после зачисток в Пустоши. Об этом говорило и то, что хозяин заведения встретил их как хороших знакомых и сразу проводил в небольшой тихий закуток зала, где стояло три свободных столика. Легионеры сдвинули их, чтобы компания из десяти человек смогла сесть, не теснясь.

– Вам как обычно? – буднично уточнил хозяин.

– Только в двойном объеме, – заметил Хэд. – Нас, как видишь, сегодня больше.

Хозяин кивнул и исчез. Накрывали стол уже двое официантов. Они натащили разнообразных закусок, хлеба, мяса, сыра и овощей – свежих и маринованных. К еде прилагались две бутылки коричневатой жидкости, в которой Хильда по запаху опознала популярную в этом мире настойку из трав. Крепкий алкоголь ей не очень нравился: он быстро ударял в голову, но отказываться поднять рюмку и пригубить не стала, чем заслужила одобрителный кивок Фрая.

За столом почти сразу образовалась довольно теплая, дружеская атмосфера, несмотря на разношерстность компании. Легионеры с удовольствием травили байки о заданиях, да такие, что Хильда только скептически улыбалась. Курсанты с удовольствием слушали и делились впечатлениями о своем практическом задании, для большинства из них – первом.

Всегда спокойная и сдержанная Агнесса выглядела необычно взбудораженной, рассказывая о том, как встрети-лась с нечистой. Хильда поняла, что ей еще повезло: сокурсница со своим сопровождающим угодила в целую «за-саду», столкнувшись разом с четырьмя умертвиями. Строу пришлось вмешаться с первых секунд.

Виктор на время забыл, что девчонкам не место в боеви-ках, и с удовольствием обсуждал и с ней, и с Хильдой при-мененные тактики. А потом с интересом и плохо скрывае-мой завистью расспрашивал Хильду о ее поединке с некро-мантом.

Куратор Мор слушал все это, откинувшись на спинку сту-

ла и снисходительно улыбаясь. Он снял китель и расстегнул пару верхних пуговиц на рубашке, чем очень удивил Хильду. В заведении было довольно жарко и душно, особенно после настойки, поэтому остальные мужчины поступили так же, но за все время она ни разу не видела куратора настолько расслабленным. Хильда то и дело ловила себя на мысли, что таким он ей нравится больше. Вслед за этими мыслями к ней возвращались странные желания на его счет, и она старательно гнала их от себя.

Получалось плохо. Они сидели через стол друг от друга, и время от времени Хильда чувствовала на себе его взгляд. Даже когда ничего не говорила, а слушала других. Словно Мор наблюдал за ее реакцией на чужие рассказы. Или просто наблюдал за ней. Она в ответ машинально поправляла волосы, которые теперь выглядели еще хуже, чем с утра, и непроизвольно делала глоток обжигающего напитка.

Довольно быстро общий разговор распался. Агнесса о чем-то тихо переговаривалась с Томом Строу. Они улыбались друг другу, как казалось Хильде, довольно призывно, что было немного не в характере сокурсницы.

Дарен Хэд, сидевший рядом с Хильдой, попытался вовлечь ее в аналогичную беседу, но она дала понять, что не настроена на эти игры. К его чести, он не стал настаивать.

Парни мучили расспросами Роана. Тот объяснял им, почему портал, открытый на достаточно близком расстоянии от Пустоши, не сбивается при перемещении к ее границе.

И заодно – почему этот номер не проходит при перемещении на территории самой Пустоши. Он сыпал терминами и по памяти вслух воспроизводил формулы расчета энергии магического потока, но судя по пустым и немного мутным взглядам ребят, те не понимали ни слова.

* * *

– Ну как, тебе нравится учить молодняк? – тихо поинтересовался Фрай у Мора, поглядывая то на ребят, то на Хильду, которая вяло ковыряла вилкой содержимое тарелки и едва заметно дергала плечом.

– Эта работа не хуже другой, – отозвался Мор. – Точно лучше, чем работать в охране торгового центра.

– Да брось. Ты мог вернуться в следователи, уж я-то знаю. Но не вернулся. Не из-за этой ли белобрысой бестии?

Мор нахмурился и удивленно – даже немного возмущенно – посмотрел на бывшего сослуживца.

– Не понимаю, о чем ты.

– Ну да, конечно, именно поэтому ты и пялишься на нее все время таким голодным взглядом, – хмыкнул Фрай. – Нет, я согласен, девочка хороша, но не дело таким идти в боевой отряд. Попадет в процент, к ясновидящим не ходи. Отговорил бы ты ее.

– Я для нее не авторитет, – отмахнулся Мор с заметным огорчением. – Там отец – бывший боевик. Свет в окошке,

пример для подражания. И насколько я понимаю, всячески одобряет выбор дочери. А она в лепешку готова расшибиться, лишь бы угодить ему.

Фрай приглушенно выругался.

– Вот же... Кем надо быть, чтобы родную дочурку на такое благословлять? Ладно бы была мощная, как вон та, – он кивнул на Агнессу. – А эта дохлая же...

– Она сильнее, чем кажется, – возразил Мор. В его tone слышались возмущенные нотки, словно приятель плохо отозвался о его родной сестре. – Очень ловкая. С достаточно мощным потоком. Целеустремленная. У нее есть шансы, Дом.

– Какие шансы, Дилан? Попасть не в три процента, а в пять? Ну, обалдеть, конечно, но кому от этого легче будет?

В этот момент Хильда посмотрела в их сторону, словно поняла, что они говорят о ней, и Фрай предпочел сменить тему.

– Ты сильно изменился с нашего последнего задания, – заметил он, поглядывая на Мора искоса.

– Ты тоже, – отозвался тот. – А как можно было после такого остаться прежними?

Фрай согласно кивнул и со вздохом наполнил их рюмки.

– Давай за ребят, что ли, – тихо предложил он. – Тех, что остались тогда в Пустоши.

Мор молча опрокинул в себя рюмку целиком, после чего решительно встал и подцепил со стула китель.

– Ладно, господа курсанты, – громко объявил он. – Погуляли и хватит.

Ответом ему послужило нестройное, но однозначно негативное мычание. Особенно огорчилась Агнесса, которая сидела уже почти в объятиях Тома, но Виктор, Лука и Карел тоже возмутились. Им удалось вовлечь в разговор Дарена, и тот, судя по всему, развлекал их более интересными историями, нежели Роан.

– Господин куратор, сегодня же суббота, – тоном торгующейся десятилетки заныла Агнесса. – Мы имеем право развлекаться вне Академии, где пожелаем. Можно нам остаться?

Парни горячо поддержали это заявление. Мор скользнул взглядом по ней, потом по Тому и понимающе улыбнулся.

– Ладно, курсантка Янг, это действительно ваше право. Но хочу напомнить вам, что в десять вечера в Академии отбой. Вы должны быть в своей спальне не позднее этого времени.

– Я буду, господин куратор! – Она расплылась в довольной улыбке. – Клянусь вам.

Мор подарил еще один весомый взгляд Тому, который вскинул руку в успокаивающем жесте, призывая куратора не волноваться за подопечную. Тот кивнул и обвел взглядом остальных курсантов.

Надевая китель, куратор спросил:

– Кто-нибудь возвращается в Академию со мной?

– Я, господин куратор. – Хильда с готовностью поднялась с места. – На мне незаконченный реферат висит, гулять некогда.

Мор только молча кивнул, но Хильде почудилось в его глазах нечто похожее на радость.

За то время, что они сидели в кабаке, на улице успело заметно стемнеть. Сегодня в Краме и к полудню толком не рассветло, а в начале пятого казалось, что уже поздний вечер. Туман никуда не делся, воздух стал еще сырее, а ветер – холоднее. Хильда, пригревшаяся в душном зале, поежилась от резкого порыва, но сразу расправила плечи, почувствовав на себе взгляд куратора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.